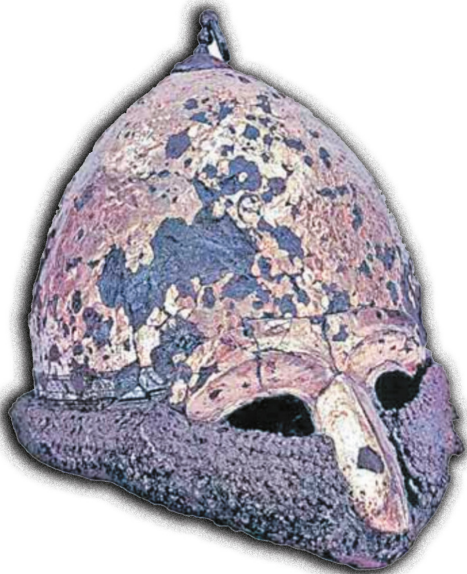

А. Ю. Митрофанов

Время Анны Комниной

Андрей Юрьевич Митрофанов

Время Анны Комниной

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67975991
Время Анны Комниной: СПбДА; СПб; 2021
ISBN 978-5-906627-85-8

Аннотация

Монография посвящена отражению царствования Алексея I (1081–1118) и его эпохи в «Алексиаде» – главном сочинении его дочери Анны Комниной (1083–1153/1154), ставшем ее своеобразным политическим завещанием племяннику императору Мануилу I Комнину, и, в то же время, оппозиционным манифестом, направленным против его пролатинской политики.

В монографии ставится вопрос о возможном монгольском происхождении династии Великих Сельджукидов. Также подробно исследуются фрагменты «Алексиады», посвященные феномену византийского самозванчества, воспринятого русской политической культурой и проявившегося в период Смутного времени.

В книге исследуется состояние описанных Анной армии Византийской империи и норманских отрядов. Делается вывод о латинизации византийской военной аристократии в эпоху императора Алексея I Комнина.

Рекомендуется преподавателям и студентам богословских и светских вузов, а также всем интересующимся историей Византии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

О книге	6
Summary	13
Résumé	20
Conspectus	27
Предисловие	35
Сердце Комнены, или Судьба византийской принцессы	49
Анна Комнина и некоторые аспекты современной историографии	78
Сельджукская проблема	93
Трагедия Романа Диогена	126
Императрица Мария Аланская	132
Папа Григорий VII	149
Конец ознакомительного фрагмента.	153

**Андрей Юрьевич
Митрофанов
Время Анны Комниной**

© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2021

О книге

Новая книга доктора исторических наук Андрея Юрьевича Митрофанова «Время Анны Комниной» посвящена отражению царствования императора Алексея I (1081–1118) и его эпохи в «Алексиаде» – главном сочинении его дочери, принцессы Анны Комниной (1083–1153/1154). По словам выдающегося византиниста и историка искусства Ганса Белтинга, император Алексей I изображен принцессой Анной как «живая икона» (*als lebende Ikone*)¹. Однако, по мнению А. Ю. Митрофанова, несмотря на желание Анны написать хвалебную биографию отца, «Алексиада» в действительности выходит за жанровые рамки панегирика и оказывается зеркалом эпохи, судьбы которой во многом определяли царствование Алексея I.

Принцесса Анна писала «Алексиаду» спустя тридцать лет после смерти отца и неудачной попытки дворцового переворота – которая привела ее к почетной ссылке в монастырь Пресвятой Богородицы Благодатной «Кехаритомени», – в бурную эпоху царствования своего племянника императора Мануила I Комнина (1143–1180), пытавшегося ценой невероятных усилий вновь превратить Византийскую империю в военного и политического гегемона, каковым она бы-

¹ *Belting H. Bild und Kult. München, 1990. S. 572.*

ла в эпоху императоров Юстиниана I Великого (527–565) и Василия II Болгаробойцы (976–1025).

«Алексиада», написанная Анной Комниной примерно в 1146–1148 годах, стала, как полагает А. Ю. Митрофанов, своеобразным политическим завещанием августейшему племяннику и, в тоже время, оппозиционным манифестом, направленным против его пролатинской политики. Именно сочетание биографии, исторической хроники и актуального политического памфлета сделали «Алексиаду» той книгой, которую Карл Крумбахер назвал «лучшим историческим произведением, которое оставило нам средневековье»². Любопытно, что некоторые придворные интриги, описанные принцессой Анной – к примеру, романтические отношения императрицы Марии Аланской и Алексея Комнина, – находят, как показывает А. Ю. Митрофанов, параллели в творчестве сельджукского поэта Фахраддина Гургани (XI век), писавшего на персидском языке и опиравшегося на утраченный парфянский рыцарский роман³.

Принцесса Анна, будучи мемуаристом, не только создала галерею портретов выдающихся представителей византийских императорских династий – таких, как ее отец император Алексей Комнин, мать императрица Ирина Дуке-

² *Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. S. 78–81.*

³ *Minorsky V. Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92.*

на, бабушка Анна Далассина, нареченная теща императрица Мария Аланская, – но и, будучи историком, обозначила целый ряд этнографических и политических проблем, с которыми столкнулась Византийская империя на исходе XI века. Одной из них было создание державы Великих Сельджукидов, завоевавших под бунчуком султанов Тогрул-бека (1038–1063), Алп-Арслана (1063–1072) и Малик шаха (1072–1092) Хорасан, Иран и огромные пространства от Средиземного моря до Кашгарии, от Кавказа до Йемена. Интересно, что императора Алексея Комнина – который уже пользовался помощью сельджуков во время войны против Руссея де Байоля, мятежного норманнского рыцаря – распри между великим султаном Малик Шахом и анатолийскими сельджуками подтолкнули к союзу с Малик Шахом.

В книге А. Ю. Митрофанов по-новому ставит вопрос о возможном монгольском происхождении династии великих Сельджукидов в свете военно-политического влияния в Туркестане киданьской империи Ляо, приводя аргументы в пользу данного предположения. Одним из них является тезис автора – опирающийся, в частности, на мнение археолога, этнографа и художника М. В. Горелика – о характерном для советского востоковедения сознательном игнорировании роли монгольского фактора в истории Средней Азии. Другой аргумент – оригинальное предположение о наличии литературного влияния «Шахнаме» Абуль-каси́ма Фирдоуси на историю Сельджука из «Малик-наме»,

сельджукского эпоса XI–XII вв., сохранившегося в отрывках благодаря сочинению Мирхонда и некоторых других поздних восточных историков. Автор ссылается также на работы Г. В. Вернадского, отмечавшего распространение у ряда монгольских племен в XI–XII вв. христианства несторианского толка, и сопоставляет это явление с гипотезой о христианском исповедании некоторых сыновей Сельджука, в частности, Микаила.

Не менее подробно А. Ю. Митрофанов исследует фрагменты «Алексиады», посвященные феномену византийского самозванчества, одним из первых примеров которого стало появление в конце царствования императора Льва III Исавра (717–741) самозванца Лже-Тиберия Пергамена, объявившего себя выжившим сыном императора Юстиниана II Ринотмета (685–695 – 705–711), в действительности убитого в 711 году на глазах бабушки, императрицы Анастасии. Опираясь на исследования Пауля Шпека и др.⁴, А. Ю. Митрофанов предполагает, что рассказ гипотетического «Жизнеописания Льва» (**Vita Leonis*) об убийстве Тиберия, воспроизведенный в «Хронографии» Феофана Исповедника, для большей убедительности мог подвергнуться интерполяциям в период мятежа Лже-Тиберия Пергамена. По свидетельству источников для «досье» Георгия Синкелла – например, гипотетиче-

⁴ *Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. T. I., Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, Ποικίλα Βυζαντινά 19. Bonn, 2002. S. 115–187.*

ской «Истории Льва и Константина» (*HL), которым следовал Феофан Исповедник в изложении событий византийской истории после 718 года, – Лже-Тиберий Пергамен получил поддержку омейядского халифа Хишама ибн Абдул-Малика (723–743)⁵.

Подобная опора на внешних врагов Византийской империи была характерна и для последующих византийских самозванцев, современником которых была принцесса Анна. А. Ю. Митрофанов подробно исследует ее рассказы о Лже-Михаиле и Лже-Диогене I, а также упоминает о мятеже Лже-Диогена II – Девгеневи́ча русских летописей, и его сына лжецаревича Василько Леоновича. Лже-Михаил был ставленником норманнов и лично Роберта Гвискара, Лже-Диоген I опирался на помощь половецкого хана Тугоркана, Девгеневи́ч и лжецаревич Василько пользовались поддержкой и официальным признанием киевского великого князя Владимира Мономаха (1113–1125), который породнился с самозванцем, выдав за Девгеневи́ча свою дочь Марицу, сыном которой и стал лжецаревич Василько.

По мнению А. Ю. Митрофанова, феномен византийского самозванчества, описанный принцессой Анной и другими византийскими историками, был воспринят русской политической культурой, что проявилось спустя много веков

⁵ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. T. II., Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III; T. III., Die Αλόστασις Ῥώμης καὶ Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis*, *Ποικίλα Βυζαντινά* 20. Bonn, 2003. S. 513–514.

в период Смутного времени (1605–1613), затем – в царствование императрицы Екатерины Великой (1762–1796), после чего – оказав влияние на формирование феномена вождей и тоталитаризма в СССР.

Автор подробно исследует состояние описанных принцессой Анной вооруженных сил Византийской империи и норманнов, и приходит к выводу о вестернизации византийской военной аристократии в эпоху императора Алексея Комнина. При этом мнения ряда исследователей, утверждающих, что принцесса Анна не была автором оригинального сочинения, а лишь литературно обработала записки своего мужа Никифора Вриенния, хорошо разбиравшегося в военном деле, подвергнуты критике. Анна Комнина, по мнению А. Ю. Митрофанова, вела самостоятельную исследовательскую работу и имела доступ не только к запискам Никифора Вриенния или показаниям епископа Бари – о чем писал Я. Н. Любарский, – но также к несохранившимся воспоминаниям Георгия Палеолога и Татикия.

Книга А. Ю. Митрофанова «Время Анны Комниной» – отнюдь не сухая научная монография, но исследование, написанное живым литературным языком, и этим она выгодно отличается от многих современных публикаций по истории Византии. Можно даже утверждать, что автор книги стремится подражать своей главной героине – принцессе Анне Комниной.

Один мудрец как-то сказал, что Бог определяет *долготу* человеческой жизни, а *широту* жизни определяет сам человек. Судьба Анны Комниной в полной мере подтверждает эти слова, ибо августейшая принцесса сумела вместить в своей творческой жизни целую эпоху византийской истории...

Summary

The book “The Time of Anna Komnena” by A. Yu. Mitrofanov is devoted to the reflection of the reign of Emperor Alexios I (1081–1118) and his era in the main work of his daughter, Princess Anna Komnena (1083–1153/1154), which is known as the “Alexiad”. As noted by the prominent Byzantinist and Art Historian Hans Belting, Emperor Alexios I was depicted by Anna Komnena as a “living icon” (als lebende Ikone)⁶. However, A. Yu. Mitrofanov proves that despite the desire of Anna Komnena to write a laudatory biography of her father, in reality, the “Alexiad” far exceeded the genre framework of the panegyric and became a mirror of the era, the fate of which largely determined the reign of Emperor Alexios I. Anna Komnena wrote the “Alexiad” thirty years after the death of her father and the unsuccessful attempt at a palace coup, which led Anna Komnena to an honorable exile in the monastery of the Most Holy Theotokos of Grace “Kecharitomene”. There the princess wrote the Alexiad during the turbulent reign of her nephew, Emperor Manuel I Komnenos (1143–1180), who, at the cost of incredible efforts, tried to retransform the Byzantine Empire into a military and political hegemon, as the Byzantine Empire was in the era of Emperor

⁶ *Belting H. Bild und Kult, München, 1990, S. 572.*

Justinian I the Great (527–565) and Emperor Basil II the Bulgar Slayer (976–1025). According to A. Yu. Mitrofanov, the “Alexiad”, written by Anna Komnena around 1146–1148, was a kind of political testament to her nephew of the imperial family and at the same time an opposition manifesto, which had been directed against his pro-Latin policy. According to A. Yu. Mitrofanov, it was the combination of a biography, of a historical chronicle and of a current political manifesto, which made Anna Komnena’s “Alexiad” the book that Karl Krumbacher rightly called “the best historical work that the Middle Ages left us»⁷. As A. Yu. Mitrofanov notes, some of the court intrigues described by Anna Komnena, in particular, the romantic relationship of the Empress Maria of Alania and Alexios Komnenos, find parallels in the work of the Seljuk poet Fakhruddin Gurgani (XIth century), who wrote in Persian and, according to V. F. Minorsky, relied on the lost Parthian knight’s novel⁸.

As A. Yu. Mitrofanov shows, Anna Komnena, being a memoirist, not only created a gallery of portraits of prominent representatives of the Byzantine imperial dynasties, such as her father – Emperor Alexios Komnenos, her mother – Empress

⁷ *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. S. 78–81.

⁸ *Minorsky V.* Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92; “New Developments”. 1962. Vol. XXV. P. 275–286.

Irina Dukena, her grandmother – Anna Dalassena, the mother of her fiancé, her mother in-Law – Empress Maria of Alania, but, she, being a historian, outlined a number of ethnographic and political problems, which were faced by the Byzantine Empire at the end of the XIth century. One of these problems was the arise of the power of the Great Seljuks, who conquered under the standard (Bunchuk) of the sultans Togrul-bey (1038–1063), Alp-Arslan (1063–1072) and Malik Shah (1072–1092) Khorasan, Iran and vast areas from the Mediterranean Sea to Kashgaria, from the Caucasus to Yemen. Although the result of the Seljuk conquests was the appearance of the Seljuks in Byzantine Asia Minor and the rapid conquest of the peninsula, however, the feuds between the great Sultan Malik Shah and the Anatolian Seljuks pushed the Emperor Alexios Komnenos into an alliance with Malik Shah against the Sultanate of Rumia. Moreover, Alexios Komnenos had already used the help of the Seljuks during the war against Roussel de Bailleul – a rebellious Norman knight who tried to create his own principality on the territories of the ancient Byzantine “Armeniac” Theme in 1074.

A. Yu. Mitrofanov raises the question of the possible Mongolian origin of the Great Seljuk dynasty in the light of the military and political influence of the Khitan Liao Empire in Turkestan in a new way and gives interesting arguments in favor of this assumption. One of these arguments is the author’s thesis about the deliberate ignoring of the role of the Mongolian factor in the history of Central Asia, an ignoring which is

characteristic of Soviet Oriental studies. This thesis of the author particularly is based on the opinion of the excellent archaeologist, ethnographer and artist M. V. Gorelik. Another argument of A. Yu. Mitrofanov is the original assumption that there is a literary influence of the Abulqasem Ferdowsi's "Shahnameh" on the history of Seljuk from the "Malik-nameh" – a Seljuk epic of the XIth–XIIth centuries, which has been preserved in fragments thanks to the work of Mirkhond and some other late Eastern historians. For this remarkable discovery A. Yu. Mitrofanov also refers to the works of G. V. Vernadsky, who noted the spread of the Christianity among some Mongolian tribes in the XIth–XIIth centuries. The author A. Yu. Mitrofanov compares this phenomenon of the Christianity among some Mongolian tribes with the hypothesis of the Christian confession of some of the Seljuk's sons, in particular, Mikail.

Furthermore A. Yu. Mitrofanov also examines in detail the fragments of the work of Anna Komnena, which were dedicated to the phenomenon of so called Byzantine *imposture*. According to A. Yu. Mitrofanov, one of the first examples of Byzantine imposture arrived at the end of the reign of Emperor Leo III the Isaurian (717–741) with the appearance of the *impostor* Pseudo-Tiberius Pergamenus, who declared himself the surviving son of Emperor Justinian II Rhinotmetos (685–695, 705–711). The name of Justinian's II son was Tiberius and he has been murdered as a child of eleven years old in 711 in front of his grandmother –

Empress Anastasia. Drawing on the research of Paul Speck and others⁹, A. Yu. Mitrofanov suggests that the hypothetical story of the “Life of Leo” (*Vita Leonis) about the murder of Tiberius, which had been reproduced in the “Chronography” of Theophanes the Confessor, probably has been interpolated during the rebellion of Pseudo-Tiberius Pergamenus to uncover him.

According to sources of the “dossier” of George Synkellos, one of them is, for example, a hypothetical “History of Leo and Constantine” (*HL), which had been followed by Theophanes the Confessor in the narrative of Byzantine history after the year 718, Pseudo-Tiberius Pergamenus received the support of the Umayyad Caliph Hisham Ibn Abdal-Malik (723–743)¹⁰. Such reliance on external enemies of the Byzantine Empire was characteristic of later Byzantine *impostors*, to whom Anna Komnena was contemporary. That is why Mitrofanov examines in detail the fragments of Anna Komnena on the *impostors* Pseudo-Michael and Pseudo-Diogenes I. Furthermore the Author mentions out of the Russian Chronicles the rebellion of the *impostor* Pseudo-Diogenes II “Devgenevich” and the rebellion of

⁹ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I., Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, Ποικίλα Βυζαντινά 19, Bonn, 2002, S. 115–187.

¹⁰ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. II., Eine neue Erkenntnis Kaiser Leons III, T. III., Die Απόστασις Ῥώμης καὶ Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis*, Ποικίλα Βυζαντινά 20, Bonn 2003, S. 513–514.

his son, the Pseudo-Prince Vasilko Leonovich.

Pseudo-Michael was a protégé of the Normans and Robert Guiscard personally; Pseudo-Diogenes I relied on the help of the Cuman Khan Tugorkan, while Devgenevich and Pseudo-Prince Vasilko enjoyed the support and official recognition of the Grand Duke of Kiev Vladimir Monomakh (1113–1125).

Vladimir Monomakh even related himself to the *impostor* Devgenevich by marrying his daughter Maritsa to him. Their son was the *impostor* Pseudo-Prince Vasilko. On the basis of these undeniable historical facts, proved by A. Yu. Mitrofanov, the phenomenon of Byzantine *imposture*, which had been largely documented and described by Anna Komnena and other Byzantine historians, mentioned by the Author, proves to be an old and well known strategy of impostors on the byzantine imperial throne. This phenomenon is repeated by Russian political culture. This circumstance manifested itself many centuries later during the Time of Troubles (1605-1613) and during the reign of Empress Catherine the Great (1762–1796), and then influenced the formation of the phenomenon of Soviet leaders and Soviet totalitarianism.

A. Yu. Mitrofanov explores in detail the state of the armed forces of the Byzantine Empire and the Normans who were extensively documented by Anna Komnena, and he comes to the conclusion about the Westernization of the Byzantine military aristocracy in the era of the Emperor Alexios Komnenos. A. Y. Mitrofanov criticizes the views of some researchers who

claim that Anna Komnena was not an author of an original work, but only treated the notes of her husband, Nikephoros Bryennios, who was well versed in military Affairs.

That is why A. Yu. Mitrofanov examines those notes of Nikephoros Bryennios. His investigations of these notes are proving, that Anna Komnena conducted her own independent research work and had access not only to the notes of Nikephoros Bryennios or the testimonies of the Bishop of Bari, as wrote Ya. N. Lyubarsky, but also to the lost memoirs of George Palaiologos and Tatikios.

The book of A. Yu. Mitrofanov “The Time of Anna Komnena” is not a dry scientific monograph, but a work, which is written in a living literary language. This book of A. Yu. Mitrofanov compares favorably with many modern publications on the history of Byzantium. From this point of view, it seems obvious that A. Yu. Mitrofanov seeks to imitate his main heroine – Anna Komnena.

One philosophe once said, God determines the longitude of the human life, but the latitude of the life is determined by the human person himself. Anna Komnena fully confirms these words, for the Porphyrogenita princess of the imperial byzantine family managed to accommodate an entire epoch of Byzantine history in her creative life...

Résumé

Le livre d'A. Yu. Mitrofanov «Le Temps d'Anne Comnène» est dédié à la réflexion sur le règne de l'empereur Alexis Ier (1081–1118) et sur son époque dans l'œuvre principale de sa fille, la princesse Anne Comnène (1083–1153/1154), connue sous le nom de l'«Alexiade». Comme l'a mentionné un byzantiniste éminent et historien de l'art Hans Belting, l'empereur Alexis Ier a été représenté par Anna Comnène comme une «icône vivante» (als lebende Ikone)¹¹. Cependant, A. Yu. Mitrofanov prouve que malgré le désir d'Anna Comnène d'écrire une biographie élogieuse de son père, en réalité, l'«Alexiade» a largement dépassé le cadre de genre du panégyrique et elle est devenu un miroir de l'époque, dont le sort a largement déterminé le règne de l'empereur Alexis Ier. Anna Comnène a écrit l'«Alexiade» trente ans après la mort de son père et de la tentative infructueuse d'un coup d'état du palais, qui a conduit Anna Comnène à l'exil honorable dans le monastère de la Très Sainte Théotokos de Grâce «Kecharitomene». La princesse a écrit l'«Alexiade» pendant le règne turbulent de son neveu, l'empereur Manuel Ier Comnène (1143–1180), qui a essayé de transformer l'Empire Byzantin dans un hégémon militaire et politique, comme l'était l'Empire Byzantin à

¹¹ *Belting H.*, Bild und Kult, München, 1990, S. 572.

l'époque de l'empereur Justinien Ier le Grand (527–565) et de l'empereur Basile II le Bulgaroctone (976–1025), au prix d'efforts incroyables. D'après A. Yu. Mitrofanov l'«Alexiade», écrite par Anne Comnène vers 1146–1148, était une sorte de testament politique à son neveu auguste et en même temps un manifeste d'opposition, qui était dirigé contre sa politique pro-latine. D'après A. Yu. Mitrofanov c'est la combinaison de biographie, de chronique historique et de manifeste politique actuel qui a fait l'«Alexiade» d'Anne Comnène le livre que Karl Krumbacher a appelé à juste titre «le meilleur travail historique que le Moyen Âge nous a laissé»¹². Comme A. Yu. Mitrofanov mentionne, les certaines des intrigues de la cour, décrites par Anne Comnène, en particulier les relations amoureuses de l'impératrice Maria d'Alania et Alexis Comnène, trouvent des parallèles dans l'ouvrage du poète seldjoukide Fakhruddin Gurgani (XIme siècle), qui a écrit en persan, et d'après l'opinion de V. F. Minorsky qui s'est appuyé sur le roman chevaleresque parthe perdu¹³.

Comme A. Yu. Mitrofanov montre, Anne Comnène, en tant que mémorialiste et contemporaine, a créé non seulement une

¹² *Krumbacher K.*, *Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. München, 1891. S. 78–81.

¹³ *Minorsky V.*, *Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92; “New Developments”. 1962. Vol. XXV. P. 275–286.

galerie des portraits des représentants éminents des dynasties impériales byzantines, tels que son père – l'empereur Alexis Comnène, sa mère – l'impératrice Irene Dukena, sa grandmère – Anna Dalassena, sa belle-mère fiancée – l'impératrice Maria d'Alania, mais, en tant qu'historienne, elle a décrit un certain nombre des problèmes ethnographiques et politiques, avec lesquels l'Empire Byzantin a été confronté à la fin du XIme siècle. L'un de ces problèmes a été la naissance du pouvoir des Grands Seldjoukides, qui ont conquis sous l'étenard («Bunchuk») des sultans Togrul-bey (1038–1063), Alp-Arslan (1063–1072) et Malik Shah (1072–1092) Khorasan, l'Iran et les vastes zones de la Méditerranée à Kashgaria, du Caucase au Yémen. Bien que le résultat des conquêtes des Seldjoukides ait été l'apparence des Seldjoukides dans l'Asie Mineure Byzantine et la conquête rapide de la péninsule, cependant, les querelles entre le Grand Sultan Malik Shah et les Seldjoukides anatoliens ont poussé l'empereur Alexis Comnène vers l'alliance avec Malik Shah contre le Sultanat de Rumia. De plus, Alexis Comnène avait déjà utilisé l'aide des Seldjoukides pendant la guerre contre Roussel de Bailleul – un chevalier normand rebelle qui avait essayé de créer sa propre principauté sur les territoires de l'ancien thème byzantin «Arméniaques» en 1074.

A. Yu. Mitrofanov soulève la question de l'origine mongole éventuelle de la grande dynastie seldjoukide à la lumière de l'influence militaire et politique de l'Empire Khitan Liao au Turkestan d'une manière nouvelle et il donne des arguments

intéressants en faveur de cette hypothèse. L'un de ces arguments est l'ignorance délibérée du rôle du facteur mongol dans l'histoire de l'Asie Centrale, une ignorance, qui est caractéristique pour les études orientales soviétiques. Cet argument de l'auteur, en particulier, est basé sur l'opinion de l'archéologue excellent, l'ethnographe et l'artiste M. V. Gorelik. Un autre argument d'A. Yu. Mitrofanov est l'hypothèse originale, d'après laquelle il y a une influence littéraire du "Shahnameh" d'Abulqasim Ferdowsi sur l'histoire de Seldjouk, présentée dans le "Malik-nameh" – une épopée seldjoukide des XIme–XIIme siècles, qui est conservée en fragments grâce au travail de Mirkhond et des autres historiens orientaux tardifs. Dans le cadre de cette découverte remarquable A. Yu. Mitrofanov se réfère également aux travaux de G. V. Vernadsky, qui a noté la propagation du christianisme parmi certaines tribus mongoles aux XIme–XIIme siècles. L'auteur compare ce phénomène de la propagation du christianisme parmi les certaines tribus mongoles à l'hypothèse de la confession chrétienne des certains fils de Seldjouk, en particulier Mikail.

Outrement A. Yu. Mitrofanov examine en détail également les fragments de l'œuvre d'Anne Comnène, consacrés au phénomène de la soi-disante *imposture* byzantine. D'après A. Yu. Mitrofanov l'un des premiers exemples de *l'imposture* byzantine se manifesta à la fin du règne de l'empereur Léon III l'Isaurien (717–741) avec l'apparition de *l'imposteur* Pseudo-Tibère Pergaménos, qui s'est déclaré le fils survivant de l'empereur Justinien II Rhinotmétos

(685–695, 705–711). Ce fils de Justinian II s'appelait Tiberius et a été assassiné dans son enfance à l'âge de onze ans en 711 devant les yeux de sa grand – mère – l'impératrice Anastasia. En s'appuyant sur les recherches de Paul Speck et des autres chercheurs¹⁴, A. Yu. Mitrofanov suggère que le récit de la source hypothétique la «Vie de Léon» (*Vita Leonis) sur l'assassinat de Tibère, qui avait été reproduit dans la «Chronographie» de Théophane le Confesseur aurait pu être interpolée pendant la rébellion du Pseudo-Tibère Pergamenos pour le démasquer.

D'après les sources du «dossier» de Georges Synkellos, par exemple d'une hypothétique «Histoire de Léon» (*HL), qui était suivie par Théophane le Confesseur dans le récit de l'histoire byzantine après l'année 718, le Pseudo-Tibère Pergamenos a reçu le soutien du Calife Omeyyade Hisham Ibn Abdal-Malik (723–743)¹⁵. Cette dépendance des ennemis extérieurs de l'Empire Byzantin était caractéristique des *imposteurs* byzantins ultérieurs, dont Anne Comnène était contemporaine.

C'est pourquoi A. Yu. Mitrofanov examine outremer en détail les fragments d'Anne Comnène sur le Pseudo-Michel et le Pseudo-Diogène I, et il mentionne la rébellion du Pseudo-

¹⁴ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I., Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III., Ποικίλα Βυζαντινά 19, Bonn, 2002, S. 115–187.

¹⁵ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. II., Eine neue Erkenntnis Kaiser Leons III., T. III., Die Απόστασις Ῥώμης καὶ Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis*, Ποικίλα Βυζαντινά 20, Bonn 2003, S. 513–514.

Diogène II ou le «Devgenevich» des chroniques russes et de son fils le Pseudo-Prince Vasilko Leonovich. Si le Pseudo-Michel était un protégé des normands et de Robert Guiscard personnellement, le Pseudo-Diogène I comptait sur l'aide du Khan des Cumans Tugorkan, tandis que le «Devgenevich» et le Pseudo-Prince Vasilko se bénéficiaient du soutien et de la reconnaissance officielle du Grand-Duc de Kiev Vladimir Monomaque (1113–1125). Vladimir Monomaque est devenu même un apparenté à *l'imposteur* et il a épousé sa fille Maritsa à «Devgenevich», dont le fils était le Pseudo-Prince Vasilko. Sur la base de ces indéniables faits historiques, prouvés par A. Yu. Mitrofanov, le phénomène de *l'imposture* byzantine, qui avait été largement documenté et décrit par Anne Comnène et par des autres historiens byzantins mentionnés par l'auteur se manifeste comme une ancienne stratégie bien connue par les *imposteurs* du trône impérial de l'Empire Byzantin. Il se répète dans la culture politique russe. Cette circonstance s'est manifestée plusieurs siècles plus tard à l'époque des Troubles (1605–1613) et sous le règne de l'impératrice Catherine la Grande (1762–1796), et ensuite elle a influencé la formation du phénomène des chefs soviétiques et du totalitarisme soviétique.

A. Yu. Mitrofanov explore en détail l'état des forces militaires de l'Empire Byzantin et des normands, qui ont été largement décrites par Anne Comnène, et il arrive à la conclusion sur l'occidentalisation de l'aristocratie militaire byzantine à l'époque de l'empereur Alexis Comnène. A. Y. Mitrofanov critique les

certains chercheurs qui affirment qu'Anne Comnène n'était pas l'auteur d'un travail original, mais qu'elle n'a élaboré que les notes de son mari, Nicéphoros Bryennios, qui connaissait bien les affaires militaires. C'est pourquoi A. Yu. Mitrofanov examine ces notes de l'époux d'Anne Comnène, Nicéphoros Bryennios. Grâce à ces recherches d'A. Yu. Mitrofanov il est évident qu'Anne Komnene avait fait des recherches indépendantes et qu'elle avait un accès non seulement aux notes de Nicéphoros Bryennios ou aux témoignages de l'évêque de Bari, comme l'a écrit Ya. N. Lyubarsky, mais aussi aux mémoires perdues de George Palaiologos et Tatikios.

Le Livre d'A. Yu. Mitrofanov «Le Temps d'Anne Comnène» n'est pas une sèche monographie scientifique, mais il est une oeuvre, qui est écrite dans une langue littéraire vivante. Ce livre d'A. Yu. Mitrofanov se compare favorablement aux nombreuses publications modernes sur l'histoire de Byzance. De ce point de vue, il nous semble évident qu'A. Yu. Mitrofanov cherche à imiter son héroïne principale – Anne Comnène.

Comme l'a dit une fois un philosophe, Dieu détermine la longitude de la vie humaine, mais la latitude de la vie s'est déterminée par la personne humaine elle-même. Anne Comnène confirme ces paroles pleinement, car la princesse porphyrogénète de la famille impériale byzantine a réussi à accueillir toute une époque de l'histoire byzantine dans sa vie créative...

Conspectus

Das Buch „Das Zeitalter von Anna Komnene“ von A. Yu. Mitrofanov widmet sich der Reflexion über die Regierungszeit von Kaiser Alexios I. (1081–1118) und seiner Ära im Hauptwerk seiner Tochter Prinzessin Anna Komnene (1083–1153/1154), welches als „Alexiade“ bekannt ist. Wie der prominente Byzantinist und Kunsthistoriker Hans Belting feststellte, wurde Kaiser Alexios I. von Anna Komnene als „lebende Ikone“¹⁶ dargestellt. Allerdings weist A. Yu. Mitrofanov nach, dass trotz des Wunsches von Anna Komnene, eine lobende Biographie ihres Vaters zu schreiben, die „Alexiade“ in Wirklichkeit den Genre-Rahmen des Panegyrischen weit übertrifft und zu einem Spiegel jener Ära geworden ist, deren Schicksal die Herrschaft von Kaiser Alexios I. weitgehend bestimmt hat. Anna Komnene schrieb die „Alexiade“ dreißig Jahre nach dem Tod ihres Vaters und dem erfolglosen Versuch eines Palastputsches, der Anna Komnene zu einem ehrenvollen Exil im Kloster des Allerheiligsten Theotokos der Gnade „Kecharitomene“ führte. Dort schrieb die Prinzessin die „Alexiade“ während der turbulenten Regierungszeit ihres

¹⁶ *Belting H.* Bild und Kult, München, 1990, S. 572: In seinem Kapitel „Die Kaiser als lebende Ikonen“ zitiert Belting die „Beschreibung des Aussehens des Kaisers Alexios (1081–1118) und der Kaiserin Irene [sc. der Mutter von Anna Komnene] durch die Tochter Anna, die Komnenin“.

Neffen, des Kaisers Manuel I. Komnenos (1143–1180), der auf Kosten unglaublicher Anstrengungen versucht hatte, das Byzantinische Reich zu einer militärischen und politischen Hegemonie zu führen, wie es das Byzantinische Reich in der Ära von Kaiser Justinian I. dem Großen (527–565) und Kaiser Basilius II. dem Bulgarentöter (976–1025) war. Nach A. Yu. Mitrofanov, war die „Alexiade“, geschrieben von Anna Komnene um 1146–1148, eine Art politisches Testament byzantinischer Aristokratie der Komnenen für ihren Neffen in der kaiserlichen Familie und gleichzeitig ein Oppositionsmanifest, das sich gegen dessen pro-lateinische Politik gerichtet hatte. Nach A. Yu. Mitrofanov war es die Kombination einer Biographie, einer historischen Chronik und eines aktuellen politischen Manifests, welche Anna Komnenas „Alexiade“ zu dem Buch machte, das Karl Krumbacher zu Recht als „das Beste historische Werk, das uns das Mittelalter hinterlassen hat“ bezeichnete¹⁷. Wie A. Yu. Mitrofanov erwähnt, finden einige der von Anna Komnene beschriebenen Hofintrigen, insbesondere die romantische Beziehung der Kaiserin Maria von Alania und Alexios Komnenos, Parallelen im Werk des seldschukischen Dichters Fakroddin Gorgani (11. Jahrhundert), welcher auf Persisch schrieb und sich laut V. F. Minorsky auf den verloren gegangenen Parthischen

¹⁷ *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. S. 78–81.

Ritterroman stützte¹⁸.

Wie A. Yu. Mitrofanov zeigt, hat Anna Komnene, als Zeitgenossin, nicht nur eine Galerie von Porträts prominenter Vertreter der byzantinischen Kaiserdynastien geschaffen, wie das Porträt ihres Vaters, des Kaisers Alexios Komnenos, desgleichen ihrer Mutter, der Kaiserin Irene Dukena, ihrer Großmutter, Anna Dalassena, sowie der Mutter ihres Verlobten, das heißt, ihrer Schwiegermutter, der Kaiserin Maria von Alania, sondern als Historikerin hat sie auch eine Reihe von ethnographischen und politischen Problemen skizziert, mit denen das Byzantinische Reich am Ende des 11. Jahrhunderts konfrontiert wurde. Eines dieser Probleme war das Aufkeimen der Macht der Großen Seldschuken, die unter dem „Bunchuk“, der Standarte der Sultane Tughrul-beg (1038–1063), Alp-Arslan (1063–1072) und Malik Schah (1072–1092) Khorasan, Iran und weite Gebiete vom Mittelmeer bis nach Kaschgaria, vom Kaukasus bis zum Jemen eroberten. Obwohl das Ergebnis der seldschukischen Eroberungen das Erscheinen der Seldschuken im byzantinischen Kleinasien sowie die rasche Eroberung der Halbinsel zur Folge hatte, drängten die Fehden zwischen dem großen Sultan Malik Schah und den anatolischen Seldschuken den Kaiser Alexios Komnenos in ein Bündnis mit Malik Schah gegen das Sultanat Rumia. Darüber hinaus hatte Alexios

¹⁸ *Minorsky V. Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92; “New Developments”. 1962. Vol. XXV. P. 275–286.*

Kommenos bereits während des Krieges gegen Roussel de Bailleul die Hilfe der Seldschuken in Anspruch genommen, als Roussel de Bailleul, ein rebellischer normannischer Ritter im Jahr 1074 versucht hatte, auf den Gebieten des alten byzantinischen Themata der Armeniakon sein eigenes Fürstentum zu errichten.

A. Yu. Mitrofanov wirft die Frage nach einer möglichen mongolischen Herkunft der Großen seldschukischen Dynastie im Lichte des militärischen und politischen Einflusses des Khitan Liao-Reiches in Turkestan auf neue Weise auf und führt für diese Annahme interessante Argumente an. Eines dieser Argumente ist die These des Autors von einem, für die sowjetische Orientalistik charakteristischen, bewussten Ignorieren der Rolle des mongolischen Faktors in der Geschichte Zentralasiens, ist. Diese These des Autors basiert insbesondere auf der Forschung des exzellenten Archäologen, Ethnographen und Künstlers M. V. Gorelik. Ein weiteres Argument von A. Yu. Mitrofanov ist die originelle Annahme eines literarischen Einflusses des „Shahnameh“ von Abulkasim Firdausi auf die Geschichte Seldschuks aus dem „Malik-nameh“. Dieses ist ein seldschukisches Epos des XI. – XII. Jahrhunderts, ein Epos, das dank der Arbeit von Mirkhond und einigen anderen spätöstlichen Historikern in Fragmenten erhalten geblieben ist. A. Yu. Mitrofanov bezieht sich für diese bemerkenswerte Entdeckung des Weiteren auch auf die Werke von G. V. Wernadskij, der die Ausbreitung des Christentums

unter einigen mongolischen Stämmen im XI. – XII. Jahrhundert feststellt. Der Autor A. Yu. Mitrofanov vergleicht dieses Phänomen der Ausbreitung des Christentums unter einigen mongolischen Stämmen mit der Hypothese des christlichen Bekenntnisses einiger Söhne von Seldschuk, insbesondere seines Sohnes Mikail.

Des Weiteren untersucht A. Yu. Mitrofanov auch diejenigen Fragmente der Arbeit von Anna Komnene im Detail, welche dem Phänomen der sogenannten byzantinischen *Usurpatoren Kaiser* gewidmet waren. Nach A. Yu. Mitrofanov war eines der ersten Beispiele eines solchen *Usurpators* das Erscheinen des *Usurpators* am Ende der Regierungszeit von Kaiser Leo III. dem Isaurier (717–741). Jener Pseudo-Tiberius Pergamenus hatte sich zum überlebenden Sohn von Kaiser Justinian II. Rhinotmetos (685–695, 705–711) erklärt. Dieser Sohn Justinians II. hieß Tiberius und ist 711 im Kindesalter von elf Jahren vor den Augen seiner Großmutter, Kaiserin Anastasia, ermordet worden. Gestützt auf die Forschungen von Paul Speck und von anderen von A. Yu. Mitrofanov zitierten Forschern¹⁹ stellt Mitrofanov die folgende Hypothese auf, dass die hypothetische Geschichte „Das Leben Leo“ (*Vita Leonis) über den Mord an dem kleinen Tiberius, jene Geschichte, welche in der „Chronographie“ von Theophanes Confessor

¹⁹ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I., Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, Ποικίλα Βυζαντινά 19, Bonn, 2002, S. 115–187.

reproduziert worden war, möglicherweise während der Rebellion des Pseudo-Tiberius Pergamenos interpoliert worden war, um diesen Pseudo-Tiberius Pergamenos zu entlarven.

Nach Quellen des „Dossiers“ von Georgios Synkellos – eine daraus ist, zum Beispiel, die hypothetische „Geschichte von Leo und Konstantin“ (*HL), welcher Theophanes Confessor in seiner Erzählung der byzantinischen Geschichte nach dem Jahr 718 folgt – erhielt Pseudo-Tiberius Pergamenus die Unterstützung des Umayyaden-Kalifen Hischam Ibn Abd-Malik (723-743)²⁰. Eine solche Abhängigkeit von äußeren Feinden des Byzantinischen Reiches war charakteristisch für spätere byzantinische sogenannte *Usurpatoren*. Deren Zeitgenossin war Anna Komnene. Deshalb untersucht A. Y. Mitrofanov konsequent im Detail die Fragmente von Anna Komnene über die *Usurpatoren* Pseudo-Michael und Pseudo-Diogenes I. Des Weiteren erwähnt der Autor aus den russischen Chroniken die Rebellion der *Usurpatoren*, des Pseudo-Diogenes II. oder „Devgenevič“, sowie die Rebellion von dessen Sohn, des Pseudo-Prinzen Vasilko Leonovič.

Pseudo-Michael war ein Schützling der Normannen und von Robertus Guiscardus persönlich; Pseudo-Diogenes I. stützte sich auf die Hilfe des Cumanischen Khan Tugorkan, während Devgenevič und der Pseudo-Prinz Vasilko die Unterstützung

²⁰ *Speck P.* Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. II., Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III, T. III., Die Απόστασις Ῥώμης καὶ Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis*, Ποικίλα Βυζαντινά 20, Bonn 2003, S. 513–514.

und offizielle Anerkennung des Großfürsten von Kiew Wladimir Monomach (1113–1125) genossen.

Wladimir Monomach liierte sich sogar mit dem *Usurpator* Pseudo-Diogenes II. alias Devgenevič, indem er seine Tochter Maritsa mit Devgenevič verheiratete. Deren Sohn war der *Usurpator*, der Pseudo-Prinz Vasilko. Aufgrund dieser von A. Yu. Mitrofanov nachgewiesenen unleugbaren historischen Fakten, erweist sich das Phänomen der byzantinischen sogenannten *Usurpatoren*, jenes Phänomen, das von Anna Komnene und anderen byzantinischen Historikern ausführlich dokumentiert ist, als altbekannte Strategie von *Usurpatoren* des byzantinischen Kaiserthrons. Es wiederholt sich in der russischen politischen Kultur. Dieser Umstand manifestierte sich viele Jahrhunderte später in der Zeit der Wirren (1605–1613) sowie während der Regierungszeit von Kaiserin Katharina der Großen (1762–1796) und beeinflusste darüber hinaus die Bildung des Phänomens der sowjetischen Führer und des sowjetischen Totalitarismus.

Des Weiteren untersucht A. Yu. Mitrofanov in seinem neuen Buch ausführlich den Zustand der Streitkräfte des Byzantinischen Reiches und der Normannen, die von Anna Komnene detailliert dokumentiert wurden, und kommt zu dem Schluss, dass die byzantinische Militäraristokratie in der Ära des Kaisers Alexios Komnenos verwestlicht wurde. A. Yu. Mitrofanov kritisiert die Ansichten einiger Forscher, die behaupten, dass Anna Komnene nicht Autorin eines

Originalwerkes sei, sondern lediglich die Notizen ihres Gemahls ausgearbeitet habe, der in militärischen Angelegenheiten gut unterrichtet war. A. Yu. Mitrofanov untersucht deshalb diese Notizen des Gemahls von Anna Komnene, Nikephoros Bryennios. Aus diesen Untersuchungen von A. Yu. Mitrofanov wird ersichtlich, dass Anna Komnene eigene unabhängige Forschungsarbeiten durchführt hat und Zugang hatte nicht nur zu den Notizen von Nikephoros Bryennios oder den Zeugnissen des Bischofs von Bari, wie Ya. N. Lyubarsky schreibt, sondern auch zu den verloren gegangenen Memoiren von Georgios Palaiologos und Tatikios.

Das Buch von A. Yu. Mitrofanov „Das Zeitalter von Anna Komnene“ keine trockene wissenschaftliche Monographie ist, sondern ein Werk, das in einer lebendigen literarischen Sprache geschrieben ist. Dieses Buch von A. Yu. Mitrofanov lässt sich positiv mit vielen modernen Publikationen zur Geschichte von Byzanz vergleichen. A. Yu. Mitrofanov versucht in seinem Buch, seine Hauptheldin, die Historikerin Anna Komnene, in gewisser Weise nachzuahmen.

Ein Philosoph einmal sagte, bestimmt Gott die Länge des menschlichen Lebens, aber die Breite des Lebens wird von der menschlichen Person selbst bestimmt. Anna Komnene bestätigt diese Worte voll und ganz, denn die porphyrogeborene Prinzessin aus der byzantinischen kaiserlichen Familie hat es geschafft, eine ganze Epoche der byzantinischen Geschichte in ihrem kreativen Leben unterzubringen...

Предисловие

*Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит беззаботный полет кораблей...*

Николай Гумилев

Проникновенные строки Николая Гумилева, цитированные выше, могли бы стать прекрасным эпиграфом к настоящей книге, посвященной различным аспектам творчества византийской принцессы Анны Комниной – одного из крупнейших историков, которых породила когда-либо византийская цивилизация. Прекрасная и грациозная принцесса вглядывается в синеву вод Босфора и следит за императорскими, венецианскими, амальфийскими, пизанскими, египетскими кораблями, которые торопятся укрыться в гавани Золотого Рога от грозных понтийских штормов или сельджукских пиратов. Пусть даже Николай Гумилев представлял в своей поэтической фантазии не столько реальную Анну Комнину, сколько каких-то иных византийских принцесс или императриц. Действительно, Анна Комнина Николая Гумилева в большей степени напоминает императрицу Феофану или императрицу Зою Порфирородную, чем талантливую дочь императора Алексея I. Однако поэт, как нам

кажется, верно почувствовал трагический дух эпохи Комнинов, которая оказалась последним взлетом византийского орла перед окончательным падением империи в пучину политического упадка и национального порабощения.

Эпоха Комнинов, в отличие от последующего исторического периода, оставила нам многочисленные портретные изображения членов правящей династии, поразительные с точки зрения передачи индивидуальных личных черт. К глубокому сожалению, от Анны до нас не дошло ни одного портрета, который можно было бы безусловно интерпретировать как принадлежащий великой принцессе. Мы знаем, как выглядели императрица Мария Аланская, императрица Ирина Дукена, императрица Ирина Венгерская, а внешность Анны Комниной сокрыта от нас мглой веков. Отсутствие портретного изображения Анны пытались компенсировать историки, влюбленные в принцессу и в ее творчество. Наиболее удачной попыткой создания литературного портрета Анны стал очерк французского византиста Шарля Диля, опубликованный в его двухтомной работе «Figures Byzantines» (Византийские портреты). Свообразным продолжением трудов Шарля Диля стали статьи переводчиков главной книги Анны Комниной – «Алексиады» – Бернарда Лейба и Я. Н. Любарского, а также ряд современных монографий, посвященных принцессе, авторами которых выступают преимущественно исследовательницы-женщины.

Действительно, Анна Комнина – явление во многом бес-

прецедентное для византийской культуры. Порфирородная принцесса императорской фамилии становится историком и затмевает на поприще служения Клио многих своих предшественников, следуя традициям Гомера и Геродота. Анна происходила из семьи императора, который был выходцем из военной аристократии. Между тем, в XI веке в Византийской империи уже активно формировался феномен, который приобретет наибольшее развитие в следующем, XII столетии и который можно было бы назвать милитаризацией и, одновременно, вестернизацией византийской военной элиты. Общеизвестным фактом является то обстоятельство, что победа Алексея Комнина над сторонниками Никифора III Вотаниата (1078–1081) в 1081 году стала окончательной победой провинциальной военной знати над столичным статским чиновничеством, хотя сам свергнутый император Никифор Вотаниат принадлежал к тому же самому социальному слою, к которому имел честь принадлежать и император Алексей I Комнин (1081–1118). Военные аристократические семьи, среди которых было много армянских фамилий, в свое время выдвинули таких блистательных полководцев как Иоанн Куркуас, Лев и Варда Фока в X веке, Георгий Маниак, Катакалон Кекавмен и Григорий Бакуриани²¹ в XI веке. Эти семьи дали империи таких императоров-воинов как Никифор

²¹ *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 28–33, 60–63 и др.; *Шандровская В. С.* Сведения об армянских деятелях по данным византийских печатей из коллекции Эрмитажа // *Античная древность и средние века*. 2015. Т. 43. С. 170–177.

II Фока (963–969) и Иоанн I Цимисхий (969–976). Вероятно, армянского происхождения была и Анна Далассина – великая мать Алексея Комнина.

Однако гораздо менее известным является тот факт, что сама византийская военная аристократия в эпоху императора Алексея Комнина испытывала интенсивное влияние западноевропейского рыцарства, что было, в частности, связано с постоянным наплывом в императорскую армию наемников из Западной Европы. Среди этих наемников важную роль играли норманнские рыцари – лучшие воины той эпохи. Рыцарская культура, распространявшаяся норманнами накануне Первого крестового похода по всему Средиземноморью, не была лишь простой суммой эффективных военных навыков и традиций²². Эта рыцарская культура была тесно связана с активной социальной и политической ролью, которую играли в норманнском обществе женщины – знатные дамы²³. К числу таких знатных дам относились, в частности, столь известные личности норманнского мира, как королева Англии и Дании Эмма Норманнская, супруга Роберта Гвискара Гаита или «императрица» Матильда, почти что ровестница Анны Комниной. Эта рыцарская культура во второй половине XI века находила интенсивный отклик в среде византийской военной аристократии, о чем свидетельствует

²² *Nicolle D., McBride A. The Normans. London, 1987. P. 3–63.*

²³ *Брюн С. Власть и положение франкской женщины на латинском Востоке // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 199–208.*

история семейства Комнинов.

Анна Комнина, так же как и ее бабушка Анна Далассина или ее мать Ирина Дукена, была чужда старинных стереотипов греко-римского женского воспитания, которые живописует читателям в своем «Домострое» Катакалон Кекавмен. Разумеется, сам по себе феномен участия женщин в политике не был для византийской политической культуры чем-то новым. Ранние византийские императрицы Пульхерия, Феодора I, Ирина, Феодора II прославились как государственные деятели. Императрица Феофано, супруга императоров Романа II (959–963) и Никифора II Фоки (963–969), затем дочери императора Константина VIII (1025–1028) Зоя и Феодора принимали активное участие в борьбе за власть. Однако именно представительницы династии Комнинов сумели по-настоящему вырваться из-под опеки своих мужей и братьев. Оне обрели политическую субъектность, стали в известном смысле более независимы и, что самое главное, оне активно осмысливали происходящие политические процессы.

Анна Комнина много писала о норманнах. Вожди норманнских рыцарей стали важнейшими действующими лицами «Алексиады», поскольку император Алексей I Комнин воевал с норманнами, но одновременно и привлекал норманнов на службу Византийской империи наряду с другими западноевропейскими наемниками – скандинавами и англосаксами. И хотя сама принцесса относилась к норманнам, как и вообще ко всем «франкам», с нескрываемым презре-

нием, однако она явно была очарована миром норманнских рыцарей – миром жестоким и суровым, но миром, где выше всего ценились такие качества как доблесть и честь. Потому этот мир очаровал Анну и стал предметом ее описания в «Алексиаде», пусть даже это описание имело место лишь в той степени, в какой оно было связано с контекстом событий, происходивших в Византийской империи.

Как известно, отец Анны Комниной император Алексей I не только сумел остановить процесс распада Византийской империи – казалось бы, обреченной после Манцикертской катастрофы, – не только смог отбить нападения норманнов, печенегов, сельджуков и половцев на империю, но перешел в наступление и предпринял византийскую реконквисту на территории Анатолии. В царствование императора Алексея Комнина Византия из неповоротливого бюрократического государства превратилась в динамично развивающуюся военизированную империю, которая оставалась главной действующей силой в Восточной Европе и на Ближнем Востоке на протяжении практически всего XII века. Император Алексей мечтал короновать своего сына в Риме в качестве автократора Западной Римской империи²⁴ и организовал брак Иоанна II Комнина с латинской принцессой Ириной Арпад, дочь венгерского короля Ласло I Святого (1077–

²⁴ *Classen P.* Die Komnenen und die Kaiserkrone des Westens. Helmut Beuman zum 65. Geburtstag / Vorträge und Forschungen: Ausgewählte Aufsätze von Peter Classen. Sigmaringen, 1983. Bd. 28. S. 172–185; *Die Chronik von Montecassino / Hrsg. von Hartmut Hoffmann.* Hannover, 1980. S. 514.

1095). Внук императора Алексея и племянник Анны Комниной император Мануил I Комнин будет дважды женат на латинских принцессах Берте Зульцбахской и Марии Антиохийской.

Император Иоанн II Комнин и императрица Ирина Венгерская перед Богоматерью. Слева от императрицы Алексей Комнин – старший сын августейшей четы. Мозаика из южного придела собора Святой Софии в Константинополе

Комниновская Византия преодолевает то чувство культурной исключительности, которое было характерно для придворной атмосферы периода правления Македонской

династии²⁵. И хотя сознание собственного превосходства над «западными варварами» по-прежнему составляет важнейший элемент самоидентификации ромея в творчестве Анны Комниной, однако достаточно просто сравнить то, какой прием был оказан императором Никифором II Фокой Лиутпранду, и то, каким образом принимал император Алексей I Комнин графа Роберта Фризского, Гуго де Вермандуа и Сигурда Крестоносца, чтобы осознать масштабы произошедших в XI столетии культурных изменений. Какую же роль сыграла в Комниновском возрождении описанная Анной вестернизация византийской военной и политической элиты? С нашей точки зрения, можно попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрев подробнее образы византийских государыней и норманнских рыцарей, созданные Анной Комниной на основании личных впечатлений и воспоминаний современников. Исторические портреты Анны Далассины, Ирины Дукены, Марии Аланской, Русселя де Байоля, Роберта Гвискара, Боэмунда Тарентского, написанные Анной, создают галерею ярких личностей, под тем или иным влиянием которых протекало бурное царствование ее воинственного отца императора Алексея.

Общеизвестно, что историк должен избегать модернизации исторического процесса и анахронизмов в своих исследованиях, но, как справедливо полагал Михаил Ивано-

²⁵ *Каждан А. П.* Византийская культура X–XII вв. СПб.: Алетейя, 2006. С. 102–124.

вич Ростовцев (1870–1952), изучение исчезнувших цивилизаций неизбежно предполагает и даже требует определенных исторических сопоставлений, ибо, хотя социально-экономические условия, уровень технического развития, наконец, культура меняются с каждым столетием, однако человеческая психология за последние две-три тысячи лет осталась неизменной, а значит, возможен и поиск исторических параллелей в развитии тех или иных цивилизаций. То внешнеполитическое положение, в котором оказалась Византия накануне комниновского переворота 1081 года, поразительным образом напоминает периоды крушения византийской военной машины в 602 и в 717 годах. А блистательные результаты царствования императора Алексея Комнина, описанного его дочерью, вполне сопоставимы если не с результатами царствования императора Ираклия (610–641), который разбил сасанидские армии и спас древо Животворящего Креста²⁶, но так и не сумел остановить нашествие арабов, то, по крайней мере, с итогами правления императора Льва III Исавра (717–741). Подобно Льву III, Алексей Комнин происходил из военной среды, был удачливым полевым командиром и талантливым стратигом, который умело сочетал воинское мастерство и дипломатический талант. Можно было

²⁶ Kaegi W. E. *Heraclius Emperor of Byzantium*. Cambridge, 2003. P. 58–299; Speck P. *Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros*, *Ποικίλα Βυζαντινά* 9. Bonn, 1988. P. 364–366; Кулаковский Ю. А. *История Византии*. СПб.: Алетейя, 1996. Т. III. С. 27–160.

бы сравнить, например, приключения Льва на Кавказе или хитрость, проявленную им при защите Амория²⁷, с похожими деяниями молодого Алексея в Каппадокии и с его хитроумной интригой, направленной против Русселя де Байоля. Подобно Льву III Исавру, Алексей Комнин спас Константинополь от прямой угрозы иноземного завоевания и сумел отбросить сельджуков и печенегов точно также, как Лев Исавр разбил арабов и стабилизировал границу с булгарами. Однако в эпоху Ираклия и Льва Исавра балканская граница Византии пролегла в восточной Фракии и в восточной части Пелопонесса, в то время как к моменту прихода к власти Алексея Комнина балканская граница располагалась по Дунаю. Византия была вынуждена держать на Балканах войска для обороны столь протяженной границы, атакованной печенегами и узами. При этом ни эпоха Ираклия, ни эпоха Льва Исавра не знали того грозного вызова с Запада, который пришлось принять Алексею Комнину как в годы норманнских войн, так и в период Первого крестового похода, предводители которого очень быстро нарушили свою клятву верности, данную императору Алексею в Константинополе. Латинская Европа «темных веков» не принимала в жизни Византии никакого участия, а варварские короли англосаксов, франков и лангобардов время от времени питались крохами с барско-

²⁷ Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. T. I.: Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, *Ποικίλα Βυζαντινά* 19. Bonn, 2002. S. 115–180.

го стола византийской образованности. В эпоху императора Алексея Комнина положение вещей радикальным образом изменилось. Теперь латинская Европа, обновленная благодаря походам викингов, представляла собой источник военной и культурной экспансии, и для противостояния этой экспансии – как, впрочем, и для удержания власти внутри империи – византийские императоры, начиная с Василия II (976–1025), нанимали скандинавов и немцев, а начиная со стратега-автократора Георгия Маниака (†1043), привлекали на службу империи норманнских рыцарей и франков. Алексей Комнин добавил в число подобных наемников англосаксов, не смирившихся с норманнским завоеванием Англии и сохранивших преданность Этгару Этелингу.

Можно также попытаться найти определенные, пусть поверхностные, но знаковые культурно-исторические аналогии времени императора Алексея Комнина и за пределами византийской истории. С этой точки зрения комниновское возрождение Византийской империи после серии военных поражений и гражданских войн 1070-х годов, связанное с именем императора Алексея I Комнина и блистательно описанное Анной, может отчасти напомнить отечественному читателю те процессы, которые происходили в русской истории XVII века после Смутного времени. Первые цари из династии Романовых – Михаил Феодорович (1613–1645) и Алексей Михайлович (1645–1676) – были вынуждены, подобно императору Алексею I Комнину, восстанавливать из руин ав-

торитет царской власти и, одновременно, следовать по пути восприятия западноевропейской военной культуры, которая в итоге привела к серьезной социальной эволюции русского дворянства. Феномен византийского самозванчества, подробно описанный Анной в «Алексиаде», в русской истории XVII века приобрел своего рода хрестоматийное воплощение. Историческим итогом русской вестернизации XVII века стало появление феномена царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) – знатной русской женщины, вырвавшейся из-под душных сводов терема к вершинам власти, в то время как византийские принцессы из династии Комнинов с самого начала в большей степени напоминали в своей придворной и политической деятельности властных норманнских королей, нежели благообразных обитательниц гинекея. Русское государство после тяжелых военных поражений, понесенных при Иване Грозном (1547–1584), Борисе Годунове (1598–1605) и Василии Шуйском (1606–1610), в итоге сохранило свою политическую независимость, а затем одержало победу над Речью Посполитой в ходе Тринадцатилетней войны (1654–1667), точно так же, как и устоявшая в непрерывных войнах Комниновская Византия утвердилась в первой половине XII века в роли гегемона на Ближнем Востоке.

Вместе с тем приходится признать, что русская вестернизация XVII века достигла своего апогея в период царствования императора Петра Великого (1682–1725), который превратил Московское царство в Российскую империю и открыл

своими реформами новую эпоху блистательного XVIII века. В то же время Комниновское возрождение, начавшееся с приходом к власти императора Алексея I Комнина в 1081 году, спустя век закончилось крахом Византийской империи: падением династии Комнинов в 1185 году, а затем в 1204 году завоеванием Константинополя крестоносцами. Чем же были вызваны столь различные результаты вроде бы схожих культурно-исторических процессов? По-видимому, они были обусловлены прежде всего тем, что Комниновская Византия, несмотря на феодализацию и вестернизацию, оставалась Восточной Римской империей – т. е. политической структурой, рожденной в недрах еще античного мира, но, при этом, в культурном отношении империя по-прежнему намного превосходила молодые романо-германские феодальные монархии. Поэтому та трансформация византийской общественной жизни, которая осуществлялась при деятельном участии императора Алексея Комнина и его преемников, при всей ее внешней блистательности и динамизме оказалась недостаточной для выживания империи в новых исторических условиях, связанных с эпохой Крестовых походов. В то же время молодое Московское царство XVII века, изначально уступавшее Западной Европе культурно и технологически, пребывало в положении прилежного ученика, который вскоре, в эпоху императора Петра Великого, смог превзойти своего учителя на ратном поприще.

С момента выхода нашей последней книги «Император

Алексей I Комнин и его стратегия» прошел год. Уже публично прозвучали комментарии как по поводу «случек эмигрантской философии и григорианской реформы» в наших работах, так и по поводу автора, пребывающего, по мнению комментаторов, «где-то в Чили»... В связи с этим мы бы хотели еще раз высказать искреннюю признательность и благодарность профессору Парванех Пуршариати (the New York City College of Technology), профессору Питеру Голдену (the State University of New Jersey Rutgers) и профессору Анатолию Михайловичу Хазанову (the University of Wisconsin-Madison) за те творческие беседы и личные консультации, которые помогли нам в исследовании культурных связей между кочевым миром евразийских степей и византийской аристократией при написании этой книги.

Настоящая работа является продолжением и, в определенной степени, дополнением нашей предыдущей монографии «Император Алексей I Комнин и его стратегия». Она посвящена специально Анне Комниной, точнее тому, как Анна изобразила культурно-исторический контекст своего времени. Как историк и политический деятель Анна занимает в настоящей работе центральное место. При этом в данную книгу вошли некоторые главы из нашего предшествующего исследования, которые были дополнены и расширены как с точки зрения привлечения новых источников и историографии, так и с точки зрения выводов.

Сердце Комнены, или Судьба византийской принцессы

*...Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки томительной скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.*

Николай Гумилев

Византийская принцесса Анна Комнина (1083–1153/54), дочь императора Алексея I (1081–1118), вряд ли нуждается в специальном представлении читателям. Как писал в свое время Я. Н. Любарский – переводчик и исследователь творчества принцессы, Анна Комнина появилась на свет 1 или 2 декабря 1083 года, в тот момент, когда ее отец вернулся в Константинополь после долгожданной победы, одержанной над норманнами под Касторией²⁸. Мать Анны, императрица Ирина Дукена почувствовала родовые схватки еще в последние дни ноября, но, как отмечал Шарль Диль, она твердо заявила своей свекрови, властной Анне Далассине (1025/30–1101/02), что не родит ребенка до тех пор, пока не вернется в столицу император Алексей²⁹. Принцесса Анна родилась

²⁸ *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. и комм. Я. Н. Любарского, СПб., 1996. С. 5.

²⁹ *Diehl Ch. Figures Byzantines*. Paris, 1908. Т. II. Р. 26–27. Шарль Диль вслед

в особой порфировой палате Большого Дворца, где рожали все царствующие византийские императрицы. Анна Комнина оставила яркие воспоминания о своей властолюбивой бабушке, которая управляла империей в 1080-е годы, в тот период, когда император Алексей воевал с норманнами и печенегами. Анна писала: «Ведь моя бабушка была настолько искусна в своих действиях, с такой ловкостью упорядочивала и устраивала государственные дела, что могла бы управлять не только ромейской державой, но и всеми другими царствами подлунного мира. Она обладала большим опытом; познав природу многих вещей, видела истоки и результаты, как начинается и во что выливается всякое событие, понимала причину гибели и расцвета. Она умела быстро принимать нужное решение и уверенно достигать цели... И в прежнее время, будучи еще молодой женщиной, она являла собой поистине чудо, ибо в юные годы обладала умом седовласого старца. Люди, имеющие глаза, чтобы видеть, по самому ее облику могли догадаться о присущих ей добродетелях и чувстве собственного достоинства».

[Τοσαύτη γὰρ ἡ ἐμὴ μάμμη περὶ τὰ πράγματα δεξιωτάτη καὶ τάξει καὶ καταστήσασθαι πολιτείαν εὐμήχανος, ὥστε μὴ μόνον τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν διοικεῖν δύνασθαι, ἀλλὰ καὶ πᾶσαν τὴν ὀλουδήποτε

за своим источником утверждал, что накануне родов имел место диалог между Ириной Дукеной и ее матерью Марией Болгарской, однако гораздо более правдоподобно допустить присутствие в порфировой палате в первую очередь Анны Далассины – матери и соправительницы императора.

βασιλείαν, ὁπόσῃν ἡλιος ἐφορᾷ. Πολύπειρός τε γὰρ ἦν καὶ πολλῶν πραγμάτων ἐγίνωσκε φύσεις, καὶ ὅπως ἄρχεται καὶ εἰς ὃ καταντήσειεν ἕκαστον ἐξηπίστατο, καὶ τίνα μὲν τίνων εἰσὶν ἀναιρετικά, τίνα δὲ μᾶλλον ἐπιρρώννυσιν ἕτερα, ὄξυτάτη τε τὸ δέον καταμαθεῖν καὶ μετὰ ἀσφαλείας καταπρᾶξαι δεινή... Ὁ δὲ κατόπιν χρόνος καὶ ὁπότεν ἐκείνη ταῖς νεωτέραις συνεξητάζετο γυναῖξί, θαῦμα ἄντικρυς ἦν πολὺν ἐν νεαρᾷ ἡλικίᾳ ἐπιδεικνυμένη φρόνημα. Καὶ παρεῖχεν ἐξ αὐτῆς ὄψεως τῷ βουλομένῳ καταθρεῖν τὴν ἐνοῦσαν αὐτῇ ἀρετὴν ὁμοῦ καὶ ἐμβρίθειαν]³⁰.

Чувство собственного достоинства, чувство чести культивировалось в кругах византийской военной аристократии, которая выводила на историческую арену независимых и влиятельных женщин, подобных Анне Далассине и самой Анне Комниной. Бернард Лейб, переводчик «Алексиады» на французский язык и автор критического издания греческого текста этого сочинения, перевел выражение «τὴν ἐνοῦσαν αὐτῇ ἀρετὴν ὁμοῦ καὶ ἐμβρίθειαν» как «la vertu qui régnait en elle ainsi que sa pondération» – «добродетель, которая царствовала в ней, а также ее уравновешенность»³¹, что представляет собой известную банализацию идеи Анны Комниной. Как писал современник Анны Далассины полководец

³⁰ Annae Comnenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York, 2001. В. I, S. 102–104; *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. и комм. Я. Н. Любарского... С. 128–129.

³¹ *Anne Comnène. Alexiade* / Éd. par Bernard Leib. Paris, 1967. Vol. I. P. 124.

Катакалон Кекавмен, император должен обладать четырьмя добродетелями: мужеством духа, справедливостью, целомудрием и мудростью³². По верному замечанию Г. Г. Литаврина, учение о четырех добродетелях было известно в Византии благодаря влиянию античной философии, в частности, в византийской литературе подобные добродетели приписывались императорам-воинам – Никифору II Фоке (963–969) и Иоанну I Цимисхию (969–976)³³. Эти добродетели вполне укладываются в понятие чувства собственного достоинства, однако, учитывая, что Анна Далассина фактически, в соответствии с хрисовулом своего сына, являлась правящей императрицей, мы можем допустить, что Анна Комнина стремилась подчеркнуть, что ее бабушка обладала именно царскими качествами, что вполне согласуется с ее апологией Анны Далассины как правительницы империи ромеев.

Как рассказывала Анна Комнина, ее мать императрица Ирина Дукена впоследствии, вероятно, многому научилась у свекрови и стала играть важную роль как при дворе, так и при своем супруге императоре Алексее в последние годы его царствования. Анна Комнина описывала свою мать следующим образом: «Она была подобна стройному, вечноцветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом, расширяясь и сужаясь, где нужно. Приятно было

³² *Катакалон Кекавмен*. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Пер., комм. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. С. 304–305.

³³ *Катакалон Кекавмен*. Советы и рассказы... С. 574.

смотреть на Ирину и слушать ее речи, и поистине нельзя было насытить слух звучанием ее голоса, а взор ее видом. Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы как у скифянок, а лишь немного отступало от идеальной формы круга. По щекам ее расстился луг, и даже тем, кто смотрел на нее издали, он казался усеянным розами. Голубые глаза Ирины смотрели с приятностью и вместе с тем грозно, приятностью и красотой они привлекали взоры смотрящих, а таившаяся в них угроза заставляла закрывать глаза, и тот, кто взирал на Ирину, не мог ни отвернуться, ни продолжать смотреть на нее. Я не знаю, существовала ли на самом деле воспетая древними поэтами и писателями Афина, но мне часто приходится слышать, как передают и повторяют следующее: не был бы далек от истины тот, кто назвал бы в то время императрицу Афиной, которая явилась в человеческом обличьи или упала с неба, окруженная небесным сиянием и ослепительным блеском».

[Ἀνίστατο μὲν γὰρ καθάπερ τι ἔρνος ὄρθιον καὶ ἀειθαλὲς συμμέτρως καὶ πλατυνομένη καὶ στενουμένη καταλλήλως ἑκασταχοῦ τῶν μελῶν καὶ μερῶν. Καὶ ἐπέραστος μὲν ἰδεῖν, ἐπέραστος δὲ ἀκοῦσαι καὶ ὄψεώς τε καὶ ἀκοῆς ἀκόρεστον ὡς ὄντως ἀκουσμά τε καὶ θέαμα. Αὐτὸ μὲν γὰρ τὸ πρόσωπον σελήνης μὲν ἀπέστιλβε φέγγος, οὐ μὴν εἰς κύκλον ἀκριβῆ διαπέπλαστο κατὰ τὰς Ἀσσυρίους γυναῖκας οὐδ' ἄλλως ἐξεμηκύνετο κατὰ τὰς Σκυθίδας, ἀλλ'

ὑπεχαλᾶτο μικρόν πως τῆς ἀκριβείας τοῦ κύκλου. Ἄνεπέπτατο δὲ αὐτῆς ὁ λειμὼν ἀπὸ τῶν παρειῶν καὶ τὴν ῥοδωνιὰν καὶ τοῖς πόρρω προὔβάλλετο. Ὅμμα δὲ χαροπὸν καὶ σὺν ἡδονῇ φοβερὸν ἐνητένιζεν, ὡς τῶν ὀρώντων τὰ ὄμματα τῇ μὲν ἡδονῇ καὶ τῷ κάλλει ἔλκειν πρὸς ἑαυτήν, τῷ δὲ φόβῳ μύειν καταναγκάζειν οὐκ ἐχόντων ὅπως ἀποβλέψωνται ἢ ὅπως ἂν ἀποκρύψωνται. Καὶ εἰ μὲν τις ἦν Ἀθηνᾶ τοῖς πρῶην ἐφευρημένη ποιηταῖς τε καὶ συγγραφεῦσιν, οὐκ οἶδα ἔγωγε· μῦθον δὲ ταύτην ἀκούω περιφερόμενον καὶ περισυρόμενον· τὴν δὲ βασιλίδα ταύτην Ἀθηνᾶν εἶ τις εἶπεν ἐν τοῖς τότε χρόνοις φανεῖσαν τῷ ἀνθρωπίνῳ βίῳ ἢ καταρραγεῖσαν ἐξ οὐρανοῦ μετὰ τινος οὐρανίας αἰγλῆς καὶ ἀπροσίτου μαρμαρυγῆς, οὐκ ἂν ἐξήμαρτε τοῦ εἰκότος]³⁴.

Анна Комнина подчеркивает, что ее мать затмевала даже ассириянок, т. е. арабов и скифянок, в данном контексте – печенежских или сельджукских красавиц, которые, по всей вероятности, считались в Византии XII века эталоном женской красоты. Анна Комнина доходит до того, что называет мать воплотившейся Афиной – богиней мудрости, ратного дела и целомудрия. Даже если допустить известное преувеличение, допущенное любящей дочерью при описании собственной матери, то очевидно, что императрица Ирина была чрезвычайно яркой и привлекательной женщиной, изяще-

³⁴ Annae Comnenae Alexias... В. I. S. 94; *Анна Комнина*. Алексиада... С. 121–122.

ство и грациозность которой в сочетании с твердым характером в итоге покорили сердце императора Алексея, потушили в нем пламя страсти к ослепительной сопернице Ирины, которая годами снедала василевса. Но об этой сопернице мы еще поговорим при более удобном случае.

Семья Комнинов принадлежала к византийской военной аристократии. Много веков спустя после того, как Комнины пришли к власти в Византийской империи, император Иоанн VI Кантакузин (1347–1354) упоминал «Комниновы поля» (Κομνηνῆς λειμῶνας) в окрестностях Адрианополя³⁵, которые могли быть родиной династии. Первыми известными представителями этой семьи стали Исаак Комнин, родившийся около 935–940 года, и сын Исаака, Мануил Эротик Комнин († ок. 1020), стратиг императора Василия II, оборонявший Nikeю от войск мятежника Варды Склира в 979 году³⁶. Никифор Комнин, вероятно, младший брат Мануила Эротика, воевал в Армении и был ослеплен по приказу императора Константина VIII (1025–1028). В первой половине XI века Комнины превратились в могущественное семейство, принадлежавшее к высшей военной аристократии Малой Азии. Земельные владения Комнинов раскину-

³⁵ Ioannis Cantacuzeni Historia. Bonn, 1828. Bd. I. P. 508–509; Βαρσων Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνών. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. Ι. Σ. 25.

³⁶ Βαρσων Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνών... Τ. Ι. Σ. 37–38; Nicéphore Bryennios. Histoire / Ed. par Paul Gautier // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Bruxelles, 1975. Vol. IX. P. 75–77; Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus. Bonn, 1839. Vol. II. S. 428–429.

лись на широких просторах Пафлагонии. Замки Комнинов, по-видимому, были сконцентрированы в районе Кастамона. Сын Мануила Эротика, талантливый военачальник Исаак Комнин, командующий восточной армией, поднял восстание против центральной власти в 1057 году, разгромил правительственные войска в битве при Петрое 20 августа 1057 года и захватил Константинополь. Однако через два года император Исаак I, разбивший венгров и печенегов на Дунае, о чем образно и ярко рассказала Анна Комнина³⁷, заболел и, по невыясненным до конца причинам, отрекся от престола³⁸.

Император Исаак Комнин передал власть жене – императрице Екатерине Болгарской, дочери болгарского царя Ивана Владислава (1015–1018), и Константину Дуке. Вскоре императрица Екатерина была лишена регентства и отстранена от управления империей Дуками. У Исаака I был брат по имени Иоанн, женатый на знатной аристократке, дочери катепана Италии Константина Далассина по имени Анна. У Иоанна Комнина и Анны Далассины родилось восемь человек детей, среди которых был будущий император Алексей Комнин. Напрасно Анна Далассина в декабре 1059 года уговаривала мужа принять бразды правления после отречения брата. По неизвестным в полной мере причинам Иоанн про-

³⁷ *Annae Comnenae Alexias...* В. I. S. 106–108.

³⁸ *Мохов А. С.* Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2012. № 1 (120). С. 52–60.

явил смирение и отказался от порфиры. Возможно, он не хотел идти против воли старшего брата и становиться конкурентом императрице Екатерине, а когда Екатерина была отстранена Дуками, было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Престол отдали сенатору Константину Дуке, а Иоанн Комнин отошел в тень. 12 июля 1067 года он умер. С тех пор Анна Далассина, оставшись в полном одиночестве, воспитывала восьмерых детей. Старший сын Иоанна Комнина и Анны Далассины, молодой военачальник Мануил Комнин верой и правдой служил империи, воюя с сельджуками, и скончался в 1070 году во время похода в Вифинии.

Император Исаак I Комнин. Золотой гистаменон

Анна Далассина не приняла переворот 1071–1072 годов, в результате которого Дуки разбили войска, преданные Роману Диогену, а затем захватили и ослепили императора. Против Анны Далассины состряпали обвинение в том, что она тайно поддерживала переписку с Романом Диогеном после его освобождения из сельджукского плена. Анну суди-

ли, но она заставила уважать себя мужественным поведением в суде. Как рассказывает Никифор Вриенний, Анна Далассина выхватила из-под хламиды и сжала в руке икону Судии всяческих, и указывая на Христа, смело бросила в лицо судьям: «Здесь предстоит теперь мой и ваш Судия. Взирая на Него, вынесите приговор, достойный Судии, ведающего тайники сердца»³⁹. Весьма показательно, что в повествовании Шарля Диля икона Христа Судии всяческих (τοῦ πάντων Δικαστοῦ), послужившая Анне Далассине оружием убеждения византийских судей, вдруг превращается в распятие (un crucifix)⁴⁰. Как элемент римо-католического благочестия распятие неизменно присутствовало в судах во Франции до знаменитого закона 1905 года об отделении Церкви от государства. Поэтому французский историк допускает известный анахронизм, забывая о том, что религиозное сознание византийцев было пропитано богословием иконы. Образ Христа – Судии всяческих принадлежит к достаточно распространенному типу византийской иконографии Спасителя, поздний вариант которого известен, в частности, благодаря византийской иконе Христа Неумытного Судии на троне, датированной XV веком, из Кастории.

Судебный процесс, напоминавший, по словам Никифора Вриенния, судилище Каиафы, окончился ссылкой Анны Далассины на Принцессы острова. Противостояние Анны се-

³⁹ *Nicéphore Bryennios. Histoire...* P. 128–131.

⁴⁰ *Diehl C. Figures Byzantines...* Vol. I. P. 326.

мейству Дук, смерть родных, свержение Романа Диогена, наконец опала и ссылка выковали характер этой знатной деспины – властный и непримиримый. Анне Далассине еще суждено будет проявить себя как в грозные дни комниновского переворота в марте-апреле 1081 года, так и после него, когда преданный сын на долгие годы передаст матушке бразды гражданского управления Византийской империей⁴¹. К тому моменту, когда подросли Исаак и Алексей, младшие сыновья Анны Далассины, у аристократической военной партии, к которой принадлежали кланы Комнинов и Далассинов, появилась надежда на отстранение семейства Дук и возвращение политического влияния военной знати. Как полагал Шарль Диль, Анна Далассина активно поощряла военную карьеру своих сыновей, мечтая о реванше и захвате власти. В частности, возможно, что именно Анна стояла за стремлением своего сына Алексея отправиться в действующую армию весной 1071 года. Уже через два года, в 1073 году, новый император, безвольный и вялый Михаил VII Дука Парапинак (1071–1078) назначил Исаака и Алексея архонтами в полевую армию, действующую на Востоке против сельджуков. Оба брата вскоре стали чрезвычайно популярны в войсках. Исаак был направлен в Антиохию, дабы управлять этим важнейшим византийским стратегическим центром в Сирии. Алексей вскоре получил задачу подавить мятеж норманнских рыцарей во главе с наемником Русселем де Бай-

⁴¹ Ibid. Vol. I. P. 317–342.

одем, который служил Роману Диогену, а после его гибели задумал отложиться от империи и создать собственное княжество в районе Анкиры. Возможно, император Михаил надеялся, что молодой Алексей «свернет себе шею», приняв это назначение, и потому мать отговаривала сына. Однако Алексей не привык отступать и доверился доблести своих солдат, что, в итоге, принесло ему победу и императорскую порфиру.

Христос Неумытный Судия. Икона XV века из собрания музея Кастории

На протяжении нескольких лет, до 1087 года, маленькая внучка Анны Далассины оставалась единственной наследницей императора Алексея, и в силу данного обстоятельства в младенческом возрасте она была обручена с кесарем Константином Дукой – юным сыном императрицы Марии Аланской (1053–1103) и императора Михаила VII Дуки Парапинака (1071–1078). Военный переворот, приведший к власти храброго domestika схол Алексея Комнина в апреле 1081 года, был подготовлен рядом дворцовых интриг, одной из которых стало усыновление императрицей Марией Аланской Алексея Комнина, состоявшееся несмотря на то, что Мария была всего лишь на семь лет старше своего приемного ребенка. Это усыновление позволило Алексею получить беспрепятственный доступ во дворец в период, предшествовавший перевороту.

Христос благословляет императора Алексея I Комнина.
Миниатюра рукописи из собрания Афинского колледжа,
XIII–XIV вв.

Красавица Мария Аланская – дочь грузинского царя Баграта IV Куропалата и племянница аланского царя Дургулеля Великого, после свержения своего первого мужа императора Михаила VII в 1078 году вышла замуж за узурпатора Никифора III Вотаниата (1078–1081) – старика, которому перевалило за семьдесят лет, чтобы сохранить права на престол за своим маленьким сыном. Этот брак навлек на Никифора III формальное отлучение от Церкви, произнесенное властолюбивым папой Григорием VII на Римском Соборе в ноябре 1078 года. Усыновление Марией Аланской Алексея Комнина породило при византийском дворе упорные слухи о наличии между ними романтических отношений. Дуки опасались, что Анна Далассина, которая ненавидела все семейство императрицы Ирины со времен свержения Романа IV Диогена, планирует развести своего сына с Ириной и организовать его брак с Марией Аланской. Об этом нам прямо сообщает Анна Комнина⁴². Шарль Диль и Фердинанд Шаландон заходили в своих предположениях столь далеко, что намекали на стремление честолюбивой императрицы Марии играть при будущем императоре Алексее такую же драматическую роль, какую в далеком 969 году сыграла при императоре Иоанне I Цимисхии (969–976) императрица Феофано⁴³. Вполне возможно, что подобные слухи имели под со-

⁴² Annae Comnenae Alexias... В. I. S. 89.

⁴³ Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe

бой реальную почву, хотя очевидным фактом представляется также и то, что между Марией и Алексеем был заключен своего рода пакт о престолонаследии. Исходя из этого пакта, своеобразной платой Алексея Комнина за участие императрицы Марии в перевороте против своего второго мужа должно было стать сохранение в будущем за сыном Марии Константином Дукой титула наследника престола. Следствием подобного пакта стало то, что император Алексей Комнин после переворота оставил императрицу Марию Аланскую в Большом Дворце, в ее прежних покоях, а собственную жену Ирину поселил в отдельном флигеле, а также то, что порфирородная дочь императора Алексея принцесса Анна Комнина была обручена с сыном императрицы Марии Аланской.

Однако политический пакт между Марией и Алексеем вполне мог стать продолжением их романтической связи. Принцесса Анна Комнина, отданная на воспитание ко двору императрицы Марии после обручения с Константином Дукой, оставила на страницах «Алексиады» яркое описание императрицы Марии Аланской – неземной красавицы, уподобляя свою прекрасную воспитательницу ожившей статуе, затмевавшей шедевры Фидия. Активная роль, сыгранная Марией Аланской в перевороте 1081 года, говорит о том, что необыкновенная внешняя красота сочеталась у этой императрицы с личной храбростью и известной долей авантю-

ризма, делавшими племянницу Дургулея Великого достойной наследницей древней сарматской царицы Амаги и меотской царицы Тиргатао⁴⁴.

К сожалению, Анне Комниной было суждено недолго наслаждаться титулом невесты наследника престола при дворе императрицы Марии Аланской. В сентябре 1087 года у императора Алексея и императрицы Ирины Дукены родился сын Иоанн – младший брат Анны. Вскоре император Алексей запретил кесарю Константину Дуке носить красные сапоги – знак императорского сана, а затем отослал из дворца и его мать Марию Аланскую, которая удалилась в Манганский монастырь. Маленький Иоанн Комнин был объявлен новым наследником, что же касается Константина – жениха Анны Комниной, – несчастный юноша скончался в 1095 году. Вполне возможно, что детская психика Анны еще могла бы смириться с потерей прав на престол, если бы этому обстоятельству не сопутствовала опала Марии Аланской и скорая кончина жениха. С течением времени боль от расставания с прекрасной воспитательницей и юным женихом трансформировалась в душе юной принцессы в жгучую ненависть к младшему брату, который своим появлением на свет не только отнял у нее права на престол империи ромеев, но и разрушил уютный уклад жизни, сопровождавший принцессу в раннем детстве. Эта ненависть не только не утихла после

⁴⁴ *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао. Одесса, 1914. С. 3–22 (Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1915. № 32. С. 58–77).

замужества Анны Комниной, в 1097 году выданной за кесаря Никифора Вриенния, но со временем превратилась в твердую решимость бороться за престол. Эта решимость грозно и неумолимо проявилась в смертный час императора Алексея Комнина и в последующие за ним драматические недели в августе-сентябре 1118 года. Тридцать лет спустя Анна Комнина, которой уже перевалило далеко за шестьдесят, которая давно пережила как ненавистного брата, так и любимого мужа, под сенью сводов монастыря Богородицы Благодатной «Кехаритомени» продолжала изливать свою боль и жалобы на несправедливость судьбы на страницах «Алексиады».

Из подробного рассказа Никиты Хониата⁴⁵ нам известно, что Анна Комнина, опираясь на поддержку матери, императрицы Ирины Дукены, пыталась добиться у умирающего отца согласия на передачу престола своему мужу Никифору Вриеннию. Но император Алексей, будучи на смертном одре, сумел незаметно вручить императорский перстень сыну. Овладев перстнем, Иоанн Комнин – вероятно, также по наущению отца – немедленно занял Большой дворец, где и был провозглашен императором. Это событие произошло с формальной точки зрения еще при жизни Алексея. Ирина открыто обвинила в коварстве умирающего супруга, который

⁴⁵ Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. (CFHB. Vol. 11). Berlin; New York, 1975. Vol. I. S. 4–12; *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles... Vol. II. P. 1–8.

и так лгал ей на протяжении всей жизни, а Анна Комнина считала теперь брата похитителем императорской порфиры не только в силу его рождения, но и в буквальном смысле этого слова. Император Алексей Комнин скончался 15 августа 1118 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы.

ΑΓΙΟΥ
ΚΕΥ
ΣΕΡΕ

ΘΑΤΗ
ΑΓΟΥ
ΦΗ

Императрица Ирина Дукена. Изображение на «Пала д'Оро», Золотом алтаре из Константинополя, XII–XIII вв. Венеция, Сан-Марко

Как известно, византийская конституция опиралась на римское право, в котором власть императора была не наследственной, а, в сущности, выборной. Власть римского или ромейского императора делегировалась ему как верховному магистрату сенатом и римским народом, от имени которого на протяжении многих веков выступали римские солдаты, причем даже в тех случаях, когда новым императором становился сын или племянник предыдущего императора. В период «темных веков» в византийской истории уже был прецедент, когда через год после смерти императора Льва III Исавра (717–741) в июне 742 года власть в Константинополе была захвачена его дочерью принцессой Анной и ее мужем, стратигом фемы Армениак по имени Артавазд, который в 715 году оказал поддержку Льву в борьбе против императора Феодосия III (715–717) и получил руку Анны⁴⁶. Анна Исаврийская и Артавазд (742–743) выбили из столицы сторонников сына Льва III Константина V Копронима (741–775), который, как и Иоанн Комнин, был младше своей сестры Анны. Борьба за власть между партией Артавазда и Кон-

⁴⁶ *Speck P.* Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren, *Ποικίλα Βυζαντινά* 2. Bonn, 1981. S. 19–295; *Speck P.* Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I.: Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III... S. 81–104.

стантином Копронимом интерпретировалась в эпоху императрицы Ирины (780–802) иконопочитателями как эпизод религиозной борьбы. С точки зрения поздней пропаганды императрица Анна и император Артавазд отменили иконоборчество и восстановили иконопочитание на тех территориях империи, на которых они установили собственный контроль⁴⁷. В то же время Константин Копроним опирался на ветеранов восточной армии Льва III, которые были активными иконоборцами. Как доказал Пауль Шпек, подобная интерпретация событий, связанных с узурпацией Артавазда, не имела ничего общего с действительностью. Ибо иконоборчество как церковно-политическое движение начало формироваться значительно позже, во всяком случае не ранее 746 года⁴⁸. Гражданская война в Византии между Артаваздом и Константином Копронимом продолжалась на протяжении двух лет и закончилась 2 ноября 743 года взятием Константинополя войсками Константина. Артавазд и его сыновья Никифор и Никита подверглись публичной порке и были ослеплены, а императрица Анна была сослана бра-том в монастырь Хора, где ухаживала за мужем и сыновьями на протяжении всей жизни. По-видимому, трагические события гражданской войны 742–743 годов не выходили из

⁴⁷ *Speck P.* Ich bin's nicht, Kaiser Konstantin ist es gewesen. Die Legenden vom Einfluss des Teufels, des Juden und des Moslems auf den Ikonoklasmus, *Ποικίλα Βυζαντινά* 10. Bonn, 1990. S. 176–179.

⁴⁸ *Speck P.* Artabasdos ... S. 245–281.

головы императора Алексея Комнина 15 августа 1118 года, в его предсмертный час, когда он вызвал сына Иоанна, тайком от жены императрицы Ирины передал ему императорский перстень и приказал как можно быстрее занять Большой Дворец.

Некоторое время спустя, когда еще не исполнился даже год с момента воцарения Иоанна II, Анна Комнина подготовила против брата настоящий дворцовый переворот. Участники заговора – небольшой круг приближенных лиц во главе с Никифором Вриеннием должны были в назначенный час ворваться в покои Иоанна II Комнина, арестовать его и, если понадобится, убить. После этого престол автоматически должен был перейти к Анне и ее мужу. Лучшей иллюстрацией к запланированным событиям могла бы послужить приведенная нами в книге «Император Алексей I Комнин и его стратегия» венецианская мозаика из собора Сан-Марко. Возможно, мозаика, изображающая танцующую Саломею с головой Иоанна Крестителя, облаченную в парадное платье знатной византийской дамы, представляет собой копию с константинопольского оригинала.

Однако в решающий момент Никифор Вриенний отказался от выступления и остался дома, чем, возможно, спас как самого себя, так и свою энергичную супругу. Заговор провалился. Анна Комнина, по выражению Никиты Хониата, скрежетала зубами и сетовала на природу, которая сделала мужчиной не ее саму, а Никифора Вриенния. Теперь уже

и вдовствующая императрица Ирина не могла открыто поддерживать свержение собственного сына. Императрица заявила амбициозной дочери, что бороться за порфиру имело смысл до того, как Иоанн был провозглашен василевсом ромеев, а не после этого. Планы Анны Комниной относительно физического устранения императора Иоанна II привели императрицу Ирину в ужас. И хотя Никифор Вриенний был вознагражден Иоанном Комнином и сохранил свое положение при дворе до самой смерти в 1137 году, Анна Комнина была отправлена в почетную ссылку в столичный монастырь Богородицы Благодатной «Кехаритомени», устав которого был создан самой императрицей Ириной Дукеной. В этом монастыре Анна Комнина провела остаток своих дней. Впрочем, она жила под монастырскими сводами по-царски, будучи окружена клубом единомышленников и почитателей ее литературных талантов.

Никита Хониат, видевший настоящий террор в царствовании императора Андроника I Комнина (1183–1185), заставший кровавую чехарду императоров в осажденном Константинополе в начале 1204 года⁴⁹, вероятно, смог по достоинству оценить великодушные императора Иоанна II Комнина (1118–1143), который не только даровал Анне Комниной жизнь, но и позволил ей заниматься любимым делом – литературным творчеством. После 1143 года, когда император

⁴⁹ *Каждан А. П.* Никита Хониат и его время / Под ред. Я. Н. Любарского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 283–326.

Иоанн II Комнин скончался и на престол взошел его младший сын Мануил I (1143–1180), Анна Комнина, по всей видимости, получила возможность повидаться с кем-то из престарелых соратников своего отца, которых она прекрасно знала в юные годы. У принцессы появился доступ к императорскому архиву, что позволило ей начать сбор материалов для написания истории правления отца.

Эта история первоначально была задумана как продолжение «исторических записок» Никифора Вриенния, но Анна Комнина очень быстро превзошла своего мужа и как писатель, и как историк. Цитирование подлинных документов, например, письма императора Алексея Комнина германскому королю Генриху IV (1054–1105), хрисовула Алексея Комнина, пожалованного матери императора Анне Далассине, Девольского договора 1108 года между Алексеем Комнином и Боэмундом Тарентским, сочеталось в труде Анны с личными воспоминаниями об отце, со свидетельствами современников – таких, например, как латинский епископ Бари, – с рассказами доблестных соратников императора Алексея Георгия Палеолога и Татикия, и, наконец, с достаточно свободным использованием латинских источников, проливающих свет на политику папы Григория VII и Роберта Гвискара, норманнского герцога Апулии. «Алексиада» Анны Комниной стала, по мнению Карла Крумбахера, лучшим историческим сочинением, которое оставило нам средневековье⁵⁰.

⁵⁰ *Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum*

Анна Комнина проявила себя как талантливый историк и писатель, который в полной мере опровергает нелепые пасквилы авторов Нового Времени. Гиббоновская Анна, страдающая от неразделенной любви к Боэмунду Тарентскому⁵¹, или юная Анна Вальтера Скотта, декламирующая отрывки из «Алексиады» собственному отцу и его приближенным, не имеют ничего общего с реальной дочерью императора Алексея, которая написала свое историческое произведение, заменяв седьмой десяток, однако сохранив острый ум, свежую память и разящий дар слова.

Здесь мы вынуждены возразить профессору Д. М. Володихину⁵². С точки зрения истории византийской культуры Анна Комнина действительно заслуживает признания в качестве наиболее талантливого преемника своего отца. Кто кроме специалистов помнит о том, что брат Анны Комниной император Иоанн II брал Созополь, Кастамон и Гангры? Сыграли ли битва при Веррое или Антиохийский триумф Иоанна II решающую роль в развитии Византийского государства? Увы, плоды этих действительно крупных побед императора Иоанна II были утеряны ромеями после поражения его сына императора Мануила I в битве при Мириокефале в 1176 году, а спустя каких-то два века после этой битвы

Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). Muenchen, 1891. S. 78–81.

⁵¹ *Gibbon E.* The Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1994. Vol. III. P. 436.

⁵² *Володихин Д. М.* Алексей I Комнин – спаситель Империи ромеев // Христианское чтение. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. № 1. 2020. С. 243–247.

Византия окончательно распалась на анклав, обреченные на поглощение молодой и агрессивной Османской империей. В то же время книга Анны Комниной не только пережила Византию, но осталась для нас ярким и талантливым завещанием погибшей цивилизации. И связано это обстоятельство было не только с чередой счастливых случайностей, но в первую очередь с силой литературного таланта и исторической интуиции Анны Комниной, сочинение которой переписывалось учеными ромеями из поколения в поколение.

Значение литературного дарования принцессы понимали уже современники. Выдающийся французский историк-византист Шарль Диль в своем очерке, посвященном Анне Комниной, совершенно справедливо цитировал Феодора Продрома, византийского оратора XII века, который в слове на погребение принцессы Анны высказал мысль о том, что, будь Анна Комнина современницей древних эллинов, ее сочли бы десятой музой и четвертой грацией⁵³.

⁵³ *Diehl C. Figures Byzantines... Vol. II. P. 52.*

Анна Комнина и некоторые аспекты современной историографии

Споры вокруг «Алексиады» не утихают в мировом византиноведении до сих пор. Одни хотят видеть в Анне Комниной первую женщину-историка, эмансипированную журналистку своего времени, талантливую «византийскую суффражистку», ловкую компиляторшу, которая литературно обработала записки своего мужа, и, возможно, утраченные воспоминания полководцев Алексея Комнина ради того только, чтобы под видом панегирика отцу и плача по нему на склоне лет заявить о себе⁵⁴. Другие пытаются выставить принцес-

⁵⁴ *Neville L.* Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford, 2016. P. 15–29; *Buckley P.* The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge, 2014. P. 44–167; *Neville L.* Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2013. Vol. 53. P. 192–218; *Macrides R.* The Pen and the Sword: Who wrote the Alexiad? // Anna Komnene and Her Times / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 63–81; *Reinsch D.* Women's Literature in Byzantium? The Case of Anna Komnene // Anna Komnene and Her Times. New York; London, 2000. P. 83–105; *Sinclair K.* Anna Komnene and Her Sources for Military Affairs in the Alexiad // Estudios Bizantinos. 2014. № 2. P. 143–185; *Howard-Johnston J.* Anna Komnene and the Alexiad // Alexios I Komnenos. Papers of the Second Belfast Byzantine International Colloquium, 14–16 April 1989 / Ed. by M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 260–302.

су византийским пропагандистом, целью которого было создать в начале правления императора Мануила I образ коллективного врага империи, подчиненного и направленного в нужное русло, на роль которого как при Алексее I, так и при его внуке с успехом претендовали крестоносцы⁵⁵. С нашей же точки зрения прав был Я. Н. Любарский, который отмечал стилистическое единство повествования Анны Комниной и подчеркивал авторскую неповторимость ее произведения в контексте развития византийской историографии. По мнению исследователя, в произведении Анны Комниной сочетаются как «либеральные тенденции», характерные для византийской литературы XI века – в частности, для «Хронографии» Михаила Пселла, – так и репрессивный дух своего времени, наиболее соответствующий литературным судьбам героев «Илиады»⁵⁶. Можно утверждать, что Анна Комнина, продолжая традицию написания императорских биографий, восходящую к императору Константину VII Багрянородному (945–959), вместе с тем стала основоположником

⁵⁵ Frankopan P. Perception and Projections of Prejudice: Anna Comnena the Alexiad and the First Crusade // *Gendering the Crusades*. New York, 2002. P. 69; Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-twelfth Century in the Alexiad // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 15–44.

⁵⁶ Любарский Я. Н. «Алексиада» Анны Комниной – шедевр византийской литературы? // *Его же*. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 262–278; Ljubarskij J. Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature? // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York; London, 2000. P. 169–186.

нового жанра императорских мемуаров, который будет активно развиваться в последующие два века в «автобиографии» императора Михаила VIII Палеолога (1259–1282) и в «истории» императора Иоанна VI Кантакузина (1347–1354).

«Алексиада» сохраняет свое значение основного источника как по истории правления императора Алексея I Комнина, так и по истории Первого крестового похода хотя бы потому, что сведения Анны Комниной в полной мере опровергают фантазии некоторых современных авторов, пытающихся снять с латинского Запада и переложить на Византийскую империю политическую и моральную ответственность за организацию Первого крестового похода. Среди подобных писателей наиболее известен в наши дни английский историк Питер Франкопан, претенциозная книга которого о Первом крестовом походе призвана «доказать», что у истоков этой беспрецедентной военной экспедиции западноевропейских рыцарей будто бы стоял не кто иной, как император Алексей I Комнин. Книга Питера Франкопана, несмотря на увесистый объем и большое количество интересных деталей, касающихся подготовки Первого крестового похода в Западной Европе, поражает вопиющими ошибками и нелепостями, очевидными для каждого, кто мало-мальски знаком с трудом Анны Комниной и другими византийскими источниками.

В частности, из книги Питера Франкопана читатель узнает о том, что в византийской армии в конце XI века, оказыва-

ется, преобладала пехота, а технический прогресс в области вооружения и доспехов на Западе привел к тому, что «рыцарь, передвигающийся верхом на тяжелом коне, стал мощной боевой единицей»⁵⁷. Вероятно, автор книги либо не знает, либо игнорирует целый корпус византийских источников, описывающих эволюцию византийской армии, среди которых нужно упомянуть сочинения Прокопия Кесарийского, «Стратегикон» Псевдо-Маврикия, «Стратегикон» императора Никифора II Фоки, «Историю» Льва Диакона, «Советы и рассказы» Катакалона Кекавмена, эпос о Дигенисе Акрите, «Исторические записки» Никифора Вриенния и, конечно же, «Алексиаду» Анны Комниной. Из этих источников ясно следует, что тяжелая кавалерия – знаменитые византийские катафракты, являлись главным родом войск в императорской армии. Существовал этот род войск в армии Восточной Римской империи еще в позднеантичную эпоху. В правление императоров Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976) он был реорганизован, усилен и продолжал свое развитие в эпоху Комнинов в то время, как роль пехоты в византийской армии с X века постоянно снижалась по мере упадка и разложения стратиотского ополчения.

Что же касается технического прогресса, то исследования археологов, оружейников и реконструкторов убедительно до-

⁵⁷ *Francopan P.* The First Crusade. The Call from the East. Cambridge, Massachussets, 2012. P. 87–88; *Франкопан П.* Первый крестовый поход. Зов с Востока. М., 2018. С. 132.

казывают, что ламеллярные и ламинарные пластинчатые доспехи с наплечниками, шлемы-шишаки с масками-«личинами», принятые на вооружении в византийской армии в XI–XII веках, также, как и у древнерусских дружинников, намного превосходили в конструктивном отношении оборонительное вооружение западно-европейских рыцарей, у которых до середины XIII века преобладала кольчуга и достаточно примитивные конусные шлемы норманнского типа. Существование пластинчатого доспеха аварского типа в византийской армии было зафиксировано еще в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия. Поэтому утверждение Питера Франкопана о военно-техническом превосходстве западноевропейского рыцаря XI века над византийским стратилатом является не более, чем культурологическим мифом, родившимся в XIX веке под влиянием анахронистического перенесения популярных представлений о рыцарских латах позднего Средневековья в эпоху Крестовых походов.

Что же касается отмечаемой автором «дисциплины» западноевропейских рыцарей, остается только посетовать на то, что автор странным образом забывает не только повествование Анны Комниной и рассказы западных хронистов о безобразиях крестоносцев по дороге на Константинополь, но и английскую историю, наделяя рыцарей – франков и норманнов – теми качествами, отсутствие которых даже спустя 250 лет после Первого крестового похода стало причиной катастрофы рыцарской армии короля Франции при Креси и

Пуатье.

В другом месте автор на шумевшей книги заявляет о том, что «бесконечные войны 1080-х годов не дали империи ничего», а «поражения принесли огромные страдания»⁵⁸. Вероятно, автор причисляет к поражениям и войнам, не давшим ничего, блистательную победу Алексея I над Робертом Гвискаром и его сыном Боэмундом Тарентским, одержанную в ходе войны 1081–1085 годов. Как известно, следствием военных усилий императора Алексея I стали разгром основных сил норманнов под Касторией и Диррахием, смерть Роберта Гвискара в результате болезни, подхваченной в ходе боевых действий, распад норманнских владений в южной Италии и гражданская война в норманнской Апулии между Боэмундом Тарентским и Рожером Борсой. Здесь же Питер Франкопан рассуждает о том, что «после первой волны успехов турок в 1090–1091 годах Алексея I уже критиковали в столице... Патриарх Антиохийский Иоанн Оксита был убежден в том, что император должен нести ответственность за свои неудачи...», – как будто не было ни победы Алексея I над печенегами при Левунионе в 1091 году, ни победы Константина Далассина над Чака-Беем на Лесбосе и на рейде Смирны в 1092 году, ни освобождения Синопа от сельджуков, упомянутого самим Питером Франкопаном несколько ниже цитированного пассажа? Между тем Анна Комнина подробно

⁵⁸ *Frankopan P. The First Crusade... P. 71; Франкопан П. Первый крестовый поход... С. 111.*

рассказывает об этих событиях.

Одним из основных источников, на который опирается Питер Франкопан, возлагая ответственность на императора Алексея I за так называемый «призыв с Востока», является знаменитое письмо императора, адресованное графу Роберту Фризскому, в котором император якобы описывал в деталях, как сельджуки и печенеги насилуют знатных дам, а турки-содомиты пользуют византийских монахов и епископов⁵⁹. Однако еще Фердинанд Шаландон убедительно доказал, что этот документ, изобилующий интимными подробностями сельджукского завоевания Малой Азии, представляет собой подделку, сфабрикованную крестоносцами в Сирии в 1098–1099 годах, в тот период, когда норманнская пропаганда обвиняла императора Алексея I в неблагодарности и предательстве общего дела, пытаясь тем самым оправдать узурпацию власти, предпринятую Боэмундом Тарентским в Антиохии⁶⁰. Если император Алексей Комнин и писал какие-то письма на Запад, то эти письма не выходили за официальные рамки напоминания тем или иным наемникам-федератам империи об их долге по отношению к императору, который никогда бы не унижил себя мольбами о помощи или описаниями скабрёзных деталей сельджукского нашествия.

⁵⁹ *Francopan P. The First Crusade...* P. 88–89; *Франкопан П. Первый крестовый поход...* С. 133.

⁶⁰ *Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles...* Vol. I. P. 324–336.

В заключении своих выводов Питер Франкопан пишет о том, что «центральная фигура [императора Алексея], стоявшая за мобилизацией западных рыцарей, за десять лет после крестового похода была отодвинута на задний план и до сих пор остается там»⁶¹. Нам остается добавить, что произошло это не оттого, что «вольно или невольно папа заполнил вакуум, образовавшийся после “вычеркивания” императора Алексея I» в латинских хрониках, как полагает Питер Франкопан, а по той простой причине, что император Алексей I никогда не был такой центральной фигурой и за мобилизацией западных рыцарей никогда не стоял. Главные военно-политические задачи по спасению Константинополя и империи были решены императором Алексеем благодаря итогам битвы при Левунионе 29 апреля 1091 года, т. е. после срыва совместного печенежско-сельджукского нападения на столицу империи.

Битва при Левунионе подвела итог непрерывным войнам Византии с печенегами и узами, которые опустошали балканские фемы империи, а временами даже фемы Малой Азии, на протяжении многих десятилетий⁶². В нашей книге «Император Алексей I Комнин и его стратегия» подробно

⁶¹ Франкопан П. Первый крестовый поход... С. 280.

⁶² Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 15–26; Мохов А. С. К административной структуре Византийской империи на Дунае в период войны с узами (1064–1065 гг.) // Античная древность и средние века. 1999. Вып. 30. С. 158–168.

рассматривались войны Византии с печенегами и узами в XI веке, а также освещение этих войн Анной Комниной, поэтому нет необходимости вновь останавливаться на этой проблематике. Отметим только, что победа над печенегами при Левунионе имела важнейшее значение с точки зрения защиты Константинополя, которая была обеспечена без участия крестоносцев. Эта победа была организована императором Алексеем при помощи половецких ханов Боняка и Тугоркана, а также, вероятно, русской дружины Василько Ростиславича, князя Теробовльского (1066–1124)⁶³. Правда, участие Василько в кампании представляет собой дискуссионный вопрос. Как отмечает А. Е. Мусин, если вторая половина XI века была завершающей эпохой активного участия княживших в Киеве викингов в европейской политике, то интересы Василько уже не распространялись за пределы его семейных владений⁶⁴.

Рассмотрим кратко тот период русско-половецких войн, в котором принимали участие ханы Боняк, Тугоркан и другие воинственные мужи [ὁ Τοῦορτάκ, ὁ Μανιάκ καὶ ἕτεροι ἄνδρες μαχηώτατοι], упомянутые Анной Комниной⁶⁵. Еще

⁶³ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 164. Отд. II. С. 116–165, 243–332.

⁶⁴ *Musin A.* La formation de la politique matrimoniale et la «diaspora normande» en Europe au XIe siècle: l'exemple d'Anne de Kiev, dans 911–2011 // *Penser les mondes normands medievaux* / Éd. par D. Bates et P. Baudouin. Caen: PUC, 2016. P. 177–205.

⁶⁵ *Annae Comnenae Alexias...* B. I., S. 243.

в 1068 году половцы во главе с ханом Шаруканом Старым нанесли сокрушительное поражение дружинам русских князей Ярославичей в битве на реке Альте. Половцы вторглись в Черниговское княжество, однако были разгромлены 1 ноября 1068 года Черниговским князем Святославом Ярославичем в битве на реке Снове, причем хан Шарукан попал в плен. В 1070-х годах половцы уже принимали активное участие в междоусобной войне русских князей, известной как борьба за черниговское наследство или продолжение уобицы Ярославичей. В частности, в 1078 году князя Олег и Борис Вячеславичи, управлявшие Тмутараканьским княжеством, соединились с половцами и разбили дружину Всеволода Ярославича, князя Черниговского, в битве на реке Сожице. Вероятно, половцы принимали также участие в битве на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 года, где погибли великий князь Изяслав Ярославич (1024–1078) и Тмутараканьский князь Борис Вячеславич (1054–1078).

Борьба русских князей с половцами составляет отдельную яркую страницу в русской истории домонгольской эпохи. А. А. Васильев в своей фундаментальной «Истории Византийской империи» приводит справедливое высказывание В. О. Ключевского об историческом значении этой борьбы: «Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полу-

острове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни». «Таким образом, – развивает тезис В. О. Ключевского А. А. Васильев, – Русь участвовала в общем западноевропейском крестоносном движении, защищая себя и в то же время Европу от варваров-язычников (*infideles*)»⁶⁶. Прикорбно, что события, связанные с кровопролитным противостоянием русских князей и половцев, составляющих, таким образом, целую главу в истории борьбы христианства с язычеством в эпоху Крестовых походов, Питеру Франкопану совершенно неведомы.

Активное участие половцев в усобицах русских князей повышало престиж половецких воинов и авторитет половецких ханов. По этой причине русско-половецкие войны не мешали русским князьям и половецким ханам заключать между собой союзы, что, по всей вероятности, и произошло в апреле 1091 года, когда Боняк, Тугоркан и, возможно, князь Василько Теревовльский выступили против печенегов на стороне императора Алексея Комнина. Как полагает С. А. Плетнева, Боняк был ханом половецких племен,

⁶⁶ *Васильев А. А.* История Византийской империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. Т. II. С. 39–40; *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. I: Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 284–285.

контролировавших значительные степные территории первоначально на правом, а с течением времени и на левом берегу Днепра. Эти племена были объединены в орду Бурчевичей, тотемом которой был волк. Боняк был не только ханом, т. е. военным вождем этой орды, но также и шаманом, волхвом, который периодически занимался камланием в степи. «И яко бысть полунощи и встав Боняк отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начата мнози волци выти» (ПСРЛ. 1962. Т. II. С. 245), – так описывает религиозные практики Боняка древнерусский летописец. Боняку было суждено стать одним из наиболее ярких представителей половецкой кочевой знати, прожившим чрезвычайно долго (до 90 лет) вопреки своему образу жизни и сумевшим бросить серьезный военный вызов князьям южной Руси в последующие десятилетия⁶⁷.

Хан Тугоркан был не менее знаменит, чем Боняк, в первую очередь своими военными авантюрами, которые и predeterminedили, в итоге, его короткий век. Два года спустя после битвы при Левунионе, в 1093 году, Тугоркан уже воевал вместе с Боняком против Киевского князя Святополка Изяславича. Половцы нанесли сокрушительное поражение русским князьям в битве на реке Стугне 26 мая 1093 года. Затем Святополк был снова дважды разбит половцами – 23 июля 1093 года на реке Желани, где polegло две трети жи-

⁶⁷ Плетнева С. А. Хан Боняк и его время // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. С. 174–180; Плетнева С. А. Половцы. М., 2010. С. 52–77.

телей Киева, а затем под Халепом, – после чего в 1094 году заключил с ними договор и женился на дочери Тугоркана. «Поя жену, дочь Тугорканю, князя половецкого» (ПСРЛ 1962, Т. II, С. 216), – сообщает древнерусский летописец.

В 1094–1095 годах Тугоркан и Боняк, окрыленные победами над русскими князьями, вновь атаковали Византийскую империю. Половецкие ханы поддерживали мятеж самозванца Лже-Диогена I, выдававшего себя за сына покойного императора Романа IV (возможно, за Константина Диогена). Однако император Алексей посредством удачно спланированной интриги сумел захватить самозванца, и половцы потерпели сокрушительное поражение. Как отмечает Анна Комнина, под Адрианополем сам хан Тугоркан едва не был убит византийским стратигом по имени Мариан, который гастролопом устремился на него, потрясая длинным копьем. Тугоркан спасся только благодаря подоспевшим телохранителям⁶⁸. Примерно год спустя, в мае 1096 года, Тугоркан вторгся в русские земли, осадил Переяславль и через полтора месяца, 19 июля 1096 года, погиб вместе с сыном в битве на реке Трубеж.

Пять лет, разделяющие победу императора Алексея над печенегам при Левунионе и начало Первого крестового похода, демонстрируют, что угроза Константинополю была устранена без всякого участия крестоносцев и у Византийской империи хватило сил на поддержание *status quo* в реги-

⁶⁸ Annae Comnenae Alexias... В. I, S. 289–290.

оне. Появление же крестоносцев под стенами Константинополя, как отмечает Анна Комнина, было воспринято императором и византийским обществом как новая угроза. Именно поэтому император Алексей I прибегнул к политике импровизации, навязывая предводителям крестоносцев традиционные формы договора, которые империя заключала с командирами западноевропейских наемников в предшествующие десятилетия. Император был заинтересован в новых федератах, наподобие варягов или англосаксов, но никак не в широкомасштабном походе западноевропейских рыцарей, которые неизбежно преследовали собственные военно-политические цели.

История понтификата Григория VII в полной мере подтверждает версию о том, что замысел Крестового похода на Восток созрел в Римской курии задолго до прихода к власти Алексея Комнина. И если поводом к подобному походу действительно могли стать дипломатические маневры императора Михаила VII Дуки Параспинака, то причины стратегических замыслов папы Григория VII коренились в глубоко западноевропейских социально-политических проблемах. Позже мы еще остановимся на этих замыслах папы Григория VII, связанных с подготовкой Крестового похода на Восток. Примечательно, что на пути реализации этих замыслов папы на рубеже 1070–1080-х годов встала женщина, спровоцировавшая отлучение папой нового византийского императора Никифора III Вотаниата, которое потом распро-

странилось и на Алексея Комнина. Этой женщиной была уже упомянутая императрица Мария Аланская. Но прежде чем подробнее остановиться на судьбе Марии Аланской и на ее образе, начертанном Анной Комниной, необходимо попытаться разобраться в том, кем же были враги Византийской империи, против которых папа Григорий VII возбуждал западноевропейское рыцарство.

Сельджукская проблема

Анна Комнина начинает рассказ о жизни отца, утверждая, что весной 1071 года юный Алексей мечтал попасть в армию императора Романа IV Диогена и принять участие в кампании против сельджуков, вероятно, в качестве пажа при василевсе, будучи в возрасте 14 лет⁶⁹. Если мы, доверяя Анне Комниной, принимаем 1057 год в качестве даты рождения Алексея, следовательно, в 1071 году будущему императору было 14 лет, а в 1077 году – 19 лет. При всех стратегических талантах Алексея, проявленных при защите Византии, трудно представить себе, что в возрасте 17 лет Алексей уже выполнял приказ Михаила VII Параспинака о поимке Русселя де Байоля (1074 год), а в возрасте 21 года командовал армией, направленной на подавление мятежа Никифора Вриенния старшего (1078 год). Возможно, что в период походов Романа Диогена на сельджуков Алексей был несколько старше. По крайней мере, Фердинанд Шаландон на основании сообщения Зонары о том, что в 1118 году – т. е. в год смерти – Алексею было 70 лет, полагал, что Алексей Комнин родился примерно в 1047–1048 году. Если это так, в таком случае император Алексей Комнин мог вполне отчетливо помнить царствование своего дяди императора Исаака I Комни-

⁶⁹ *Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles...* Vol. I. P. 23–24; *Ioannis Zonarae Annales.* Bonn, 1897. Vol. III. S. 764.

на, что должно было только подогревать его амбиции.

Анна Комнина писала: «Он начал службу еще при Романе Диогене... В возрасте четырнадцати лет он стремился принять участие в большой военной экспедиции против персов, которую предпринял император Диоген; в своем неудержимом стремлении Алексей раздражался угрозами по адресу варваров и говорил, что в битве напоит меч их кровью».

[Ἦρξατο μὲν γὰρ στρατεύειν ἐπὶ Ῥωμανοῦ τοῦ Διογένους... Οὗτος γὰρ τεσσαρεσκαίδεκάτου ἔτους ὄν κατ' ἐκεῖνο καιροῦ συνεκοστρατεύειν ἠπειγέτο τῷ βασιλεῖ Διογένει κατὰ Περσῶν βαρυτάτην ἄγοντι στρατιάν, καὶ ἀπὸ γε τοῦδε ὀρμήματος ἀπειλήν κατὰ τῶν βαρβάρων ἐμφαίνων καὶ ὡς, εἰ συμπλακῆσεται τοῖς βαρβάροις, τὸ ξίφος αὐτοῦ μεθύσει ἀφ' αἵματος.]⁷⁰.

Анна, без сомнения, имеет в виду последний поход Романа Диогена против сельджуков Алп Арслана, который столь трагически закончился на берегах озера Ван, около Манцикерта. Предусмотрительный Роман Диоген запретил юному Алексею участвовать в походе, так как мать Алексея Комнина Анна Далассина уже потеряла своего старшего сына Мануила – стратига восточных тагм, который, как отмечает Никифор Вриенний, воевал с сельджуками и умер в Вифинии от воспаления среднего уха. Уже первый эпизод из сознательной жизни Алексея Комнина, связанный с Романом Диогеном, заставляет нас подробнее рассмотреть военную и

⁷⁰ Annae Comnenae Alexias... В. I, S. 11; Анна Комнина. Алексиада... С. 56–57.

политическую ситуацию, вызвавшую походы этого императора в Каппадокию и Арменияк.

Богатый исторический опыт, накопленный Византийской империей в раннее Средневековье, на протяжении нескольких веков борьбы со степными кочевниками – гуннами, аварами, булгарами, а также с более цивилизованными народами – персами и арабами, оказался удивительным образом невостребован в тот момент, когда Византия в царствование императора Константина IX Мономаха (1042–1055) еще наслаждалась инерцией военно-политического величия, доставшегося в наследство от эпохи правления императора Василия II (976–1025), а на восточных границах Византийской империи уже показались полчища нового кочевого народа – сельджуков. Этот народ был близким родственником печенегов, уже хорошо знакомых василевсам ромеев с IX века. В IX–X веках в районе Хорезма, между Аральским и Каспийским морями происходила интенсивная концентрация и консолидация тюркских племен огузов. Однако точное происхождение сельджуков в настоящее время до конца не выяснено.

Е. А. Мехмадиев в рецензии на нашу книгу «Император Алексей I Комнин и его стратегия» подверг обоснованной критике высказанное нами предположение о том, что династия Великих Сельджукидов могла иметь монгольское происхождение⁷¹. В связи с тем, что в нашем распоряжении

⁷¹ Мехмадиев Е. А. Между Востоком и Западом: внешняя политика и воен-

действительно нет принципиально новых аргументов, которые позволили бы обосновать монгольское происхождение сельджукской династии как безусловный факт, позволим себе несколько систематизировать нашу аргументацию, дабы придать ей более убедительный характер.

Итак, если мы будем следовать классической точке зрения В. В. Бартольда, основанной на сведениях письменных источников, необходимо признать, что сельджуки произошли от тюркского племени кынык⁷². Эту точку зрения разделял также С. Г. Агаджанов, который, однако, утверждал, что в формировании сельджукского племенного объединения приняли определенное участие и кипчакские племена⁷³. Подобное допущение весьма интересно в свете гипотезы о монгольском происхождении династии Великих Сельджукидов, которую мы рассмотрим позднее. Можно предположить, что в эпоху Западного Тюркского каганата, в VII веке, предки племени кынык будто бы вторглись в Приаральские степи из Семиречья и завоевали пастбища, где кочевали всадники из племени канглы (возможно, родственни-

ная доктрина византийского императора Алексея I Комнина в трактовке новейшей российской историографии (о монографии Андрея Юрьевича Митрофанова «Император Алексей I Комнин и его стратегия») // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 258–263.

⁷² Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 90–96.

⁷³ Агаджанов С. Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 19–28.

ки печенегов). Эти пастбища еще в античную эпоху принадлежали далеким предкам канглы – сако-массагетским ираноязычным племенам, которые некогда образовали Кангюй, Парфянское царство и Кушанскую империю в III–II веках до Р. Х. Как предполагали В. В. Бартольд и С. П. Толстов, племена канглы и кынык приняли участие в ассимиляции тех немногочисленных остатков сако-массагетских племен, которые уцелели после столкновений с ранними волнами тюрко-монгольских кочевников, – с гуннами, эфталитами, аварами и древними тюрками Ашина в IV–VI веках⁷⁴.

Однако сама по себе проблема происхождения гуннов в свете новейших археологических исследований требует коренного пересмотра. В частности, С. Г. Боталов приходит к выводу о том, что гунны были тесно связаны с сарматской материальной культурой, и предполагает, что гунны разговаривали на исчезнувшем индоиранском наречии, сохранявшемся в степях восточного Туркестана и Монголии в начале первого тысячелетия нашей эры⁷⁵. Предположение С. Г. Боталова находит подтверждение в работах лингвистов, например, Я. Харматта и П. Голдена, по мнению которых гунны, а позднее даже тюрки Ашина говорили в основной своей массе на восточно-иранском языке, близком к хотано-сак-

⁷⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 213–219.

⁷⁵ Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009. С. 171–308.

скому⁷⁶. Даже сторонники гипотезы о прототюркском происхождении гуннов, сегодня решительным образом отброшенной, признавали, что гуннский двор во времена Аттилы испытал мощное культурное влияние сасанидского двора, а титул Аттилы представлял собой копию титула иранских шахиншахов⁷⁷. Подобное обстоятельство может найти объяснение только в том случае, если допустить существование в IV–VI веках общего иранского культурного пространства, делавшего возможным устойчивое влияние сасанидского Ирана в степях Турана, т. е. на тех территориях, которые контролировались эфталитами и европейскими гуннами. Ираноязычие гуннов и их связь с сарматской материальной культурой позволяют сдвинуть хронологию этногенеза тюркских народов на более поздний срок (VI–VII века), что не исключает того обстоятельства, что первые прототюркские племена вторглись в Восточную Европу уже в 463 году⁷⁸. Позднее мы скажем несколько слов о существовании прямых культурных контактов между ираноязычными кочевниками-ала-

⁷⁶ History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 485–493; Golden P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples // Contact and Exchange in the Ancient World. Honolulu, 2006. P. 142.

⁷⁷ Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1962. B. V. S. 193–242; Шувалов П. В. У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.

⁷⁸ Prisci Panitae Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / Hrsg. von Karl Muller. Paris, 1851. Vol. IV. P. 104.

нами и протомонгольскими племенами. Указанные обстоятельства заставляют современных исследователей поставить под сомнение традиционные представления о доминировании тюркских племен в евразийских степях на заре Средневековья и пересмотреть прежние предположения о масштабах тюркской гегемонии в этот период.

Гипотеза В. В. Бартольда, по-видимому, верно определявшего этническую принадлежность основной массы кочевых племен, подвластных сельджукским султанам, бесполезна там, где речь заходит об истории происхождения династии Великих Сельджукидов и о причинах ее выдающихся военно-политических успехов. Действительно, почему сельджуки сумели добиться того, чего до них не могли добиться ни великие парфяне, ни тюрки Ашина? И почему именно сельджуки в течение одного поколения создали империю, объединившую государства Ближнего и Среднего Востока? Почему сельджуки смогли покорить развитые государства передней Азии, а их официальные ближайшие родственники печенеги проиграли в борьбе против Византийской империи, Киевской Руси и половцев? Была ли какая-либо связь между началом экспансии сельджуков и экспансией киданьской империи Ляо в Монголии и в восточном Туркестане? Почему экспансия половцев сопровождалась инфильтрацией некоторых половецких племен монгольской военной знатью, например, у токсобичей, а сельджуки воспринимаются как исключительно локальный огузский феномен? И не

являются ли попытки свести историю возвышения сельджукской династии к тем отрывочным сведениям о тюркском племени кынык, которые сохранились в письменных источниках, следствием влияния на исторические исследования политической конъюнктуры? Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление и кратко рассмотреть состояние отечественного номадоведения в XX веке.

Как известно, в период Гражданской войны (1917–1922) на окраинах России большевики активно делали ставку на инородцев, используя инородческие формирования в борьбе против русского офицерства, казачества и немногочисленной местной аристократии, связанной со старой русской администрацией. К числу наиболее известных инородческих формирований РККА принадлежали, в частности, латышская стрелковая дивизия, эстонская советская дивизия, первая ударная советская шариатская колонна на Северном Кавказе, башкирская отдельная кавалерийская дивизия, наконец, немало инородцев было задействовано в войсках советского Туркестанского фронта. Против этого оперативно-стратегического объединения большевиков на территории Закаспийской области в 1919 году вела боевые действия Туркестанская армия Вооруженных Сил Юга России генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872–1947). После окончания Гражданской войны советская партийная номенклатура, расчлняя завоеванную территорию России на национальные советские республики, продолжала делать

ставку на т. н. «национальные кадры». Национальные партийные кадры активно формировали в 1920-е годы новую местную идентичность, для чего нуждались в написании местных историй.

После образования Туркменской ССР в 1924 году вся история этого региона интерпретировалась с точки зрения подготовки к рождению советской Туркмении. В 1939 году под эгидой Института востоковедения Академии наук СССР вышел двухтомник под названием «Материалы по истории туркмен и Туркмении» под редакцией С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, объединявший переводы ценнейших арабских и персидских источников по истории западного Туркестана. Книга посвящалась «светлой памяти Серго Орджоникидзе – верному соратнику Ленина-Сталина, непоколебимому проводнику ленинско-сталинской национальной политики». Само название сборника, как и его пафосное посвящение, свидетельствовали о том, что все исторические процессы, происходившие на указанной территории, будут трактоваться как часть истории новой социалистической общности – туркменского народа. В таких условиях любые попытки интерпретировать сведения средневековых источников вне заданной концепции обрекались на заведомую неудачу, а специальные исследования монгольских кочевых государств, существовавших на территориях Средней Азии, откровенно не приветствовались. Происходило это отчасти по причине того, что марксистские

теоретики от истории всегда тяготели к минимизации значения кочевых культур и к преувеличению значения культур оседлых, так как на завоеванных территориях кочевники, как правило, формировали знать – эксплуататорские классы, в то время как производительные силы состояли из автохтонов, эксплуатируемых пришлой кочевой верхушкой. В случае, если речь шла об исследовании взаимоотношений монголов и других кочевых племен, прежде всего тюркских, предпочтение отдавалось последним, так как в 1920-е годы именно тюркские племена объединялись советской партийной номенклатурой в новые титульные нации и получали от большевиков фиктивную «государственность». Именно поэтому советский академический официоз старался всячески нивелировать роль собственно монголов даже в завоевательных походах Чингисхана и его преемников. В частности, как справедливо отмечал М. В. Горелик, советские историки переоценивали роль кыпчаков в походе Бату хана несмотря на то, что источники определенно говорят о том, что главной ударной силой Бату были именно монгольские тумэны, а монгольская племенная номенклатура полностью вытеснила тюркскую в Восточной Европе после монгольского завоевания⁷⁹.

⁷⁹ Горелик М. В. Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. № 8. С. 38–52; Горелик М. В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127–186.

Однако существовала и еще одна причина минимизации советской наукой роли монгольских племен в истории степных цивилизаций раннего Средневековья. Причина эта носила исключительно политический характер. Исследования средневековой истории монголов длительное время находились под подозрением советских идеологов, жертвой которых, в частности, был Л. Н. Гумилев. В исследованиях монгольских древностей советские идеологи усматривали следы «панмонголизма» – политического движения, на которое пытались опираться вожди Белого Движения на Дальнем Востоке, в частности, атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов (1890–1946) и начальник Азиатской конной дивизии, генерал-лейтенант Роман Федорович фон Унгерн Штернберг (1885–1921). Атаман Семенов даже писал стихи по-монгольски и переводил на монгольский язык Тютчева. Одним из крупнейших специалистов в области средневековой монгольской истории был белоэмигрант Г. В. Вернадский – видный идеолог евразийства, в 1920 году возглавлявший отдел печати в Правительстве Юга России генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля (1878–1928). На первоначальном этапе, в 1920–1921 годах, в деятельности евразийского движения наряду с его главными идеологами князем Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким принимали участие такие крупные русские интеллектуалы – представители Белой эмиграции, как протоиерей Георгий Флоровский и Л. П. Карсавин. И хо-

тя с конца 1920-х годов левое крыло евразийства превратилось в идеологический инструмент советской пропаганды в среде Белой эмиграции, а ряд левых деятелей евразийского движения: Д. П. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон, П. С. Арапов, В. А. Гучкова были завербованы ОГПУ, однако в самой советской России евразийские идеи долго не приветствовались, т. к. ортодоксальные марксистские идеологи обвиняли евразийцев в неоимпериализме. Тем парадоксальнее наблюдать сегодня своеобразную метаморфозу евразийства и его протivoестественную идейную трансформацию под влиянием сменовеховского национал-большевизма. В рамках этой гибридной идеологии создателем великой евразийской державы объявляется не Чингисхан, как делал это князь Н. С. Трубецкой, а И. В. Сталин, невзирая даже на то, что сталинская «держава» пережила своего вождя только на тридцать с лишним лет.

Однако в 1920-е годы, в период, когда активно продолжалась академическая карьера В. В. Бартольда – русского ученого-востоковеда, превратившегося в советского спеца, и когда происходило творческое становление советского археолога С. П. Толстова – бывшего кадета Оренбургского кадетского корпуса, племянника генерал-лейтенанта Владимира Сергеевича Толстого (1884–1956), последнего атамана Уральского казачьего войска и командующего Уральской отдельной армии, советская историческая наука существовала под идеологическим прессингом марксизма-лени-

низма. Поэтому любые исследования, связанные с историей древнехорезмийской цивилизации или древних тюркских племен, неизбежно рассматривались в советских академических учреждениях как увертюра к истории советской Туркмении. В подобных условиях для постановки масштабных научных проблем не оставалось места.

Между тем, проблема участия ранних монгольских племен в этногенезе тюркских кочевников раннего Средневековья принадлежит именно к числу таких проблем. Ярким примером этому может послужить история изучения проблемы аварского этногенеза. Если Л. Н. Гумилев на основании сообщений Феофилакта Симокатты вслед за М. И. Артамоновым утверждал, что авары, создавшие каганат в Европе, были «псевдо-аварами» вархонитами⁸⁰ и к монголам отношения не имели, то современные исследования номадов, в частности С. Г. Кляшторного и Питера Голдена, свидетельствуют о том, что авары – создатели Аварского каганата были связаны с Рураньским каганатом или с монгольским племенем ухуань, отступавшим на Запад после падения Рураньского каганата⁸¹. А сообщение Феофилакта Симокат-

⁸⁰ Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 67–76.

⁸¹ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. С. 44–48; Golden P. Some notes on the Avars and Rouran // The Steppe Lands and the World beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iasi, 2013. P. 43–66.

ты о «псевдо-аварах» вархонитах следует интерпретировать как результат влияния на византийского историка тюркской пропаганды, почерпнутой им из дипломатической переписки тюркского кагана с императором Маврикием (582–602). В более поздние времена присутствие сильного монгольского элемента засвидетельствовано у половцев. В историографии существует точка зрения, исходя из которой куны или токсобичи включали в себя сильный монгольский субстрат, преимущественно в среде военной знати. Изначально они представляли собой объединения монгольских родов, и сформировались в районах, лежащих южнее озера Байкал, а затем, по мере наступления на Запад, вбирали в себя тюркские кочевые племена⁸².

Возвращаясь к проблеме происхождения сельджуков и сельджукской империи, закономерно задать вопрос – а располагали ли в действительности тюркские кочевые племена восточного Прикаспия в XI веке достаточным потенциалом, необходимым для создания империи? Утвердительный ответ на этот вопрос может быть дан при помощи привлечения монгольских древностей. Повторим основные аргументы в пользу монгольского происхождения сельджукской династии. Некоторые этнологи на основании изучения «Со-

⁸² *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 2001. С. 199–264; *Арабаев Е. И., Ильясов С. И.* Материалы по истории и экономике Киргизии. Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 78; *Евстигнев Ю. А.* Исчезнувшие этносы (краткий этно-исторический справочник). СПб., 2005. С. 23.

кровенного сказания» монголов допускали, что, по крайней мере, сельджукская военная знать изначально была связана с монгольскими ханами племени салджиут, обязанного своим происхождением легендарной ханше Алан-гоа. Салджиут кочевали в раннее Средневековье в Прибайкалье, а также вдоль юго-западных притоков Ангары⁸³. Как предполагал Г. В. Вернадский, фольклорный образ Алан-Гоа, зафиксированный в XIII веке в «Сокровенном сказании» монголов, мог быть связан с исторической памятью о древних аланах, т. е. о сакских племенах, которые принимали участие в этногенезе монголов или, во всяком случае, запечатлелись в древнейшей монгольской эпической традиции. Одним из дополнительных аргументов в пользу предположения о монгольском происхождении династии великих сельджукидов может быть то обстоятельство, что основатель династии Сельджук и его сын Микаил были христианами. Христианство в несторианской форме было распространено среди ранних монгольских племен, и, как отмечал Г. В. Вернадский, предание из «Сокровенного сказания» о чудесном рождении сыновей Алан-Гоа могло опираться на фольклорную интерпретацию монголами истории Благовещения Пресвятой Богородицы⁸⁴. Возможно, ранние сельджуки имели

⁸³ Blochet E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden; London, 1910. P. 303.

⁸⁴ Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М., 2016. С. 13–15; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 2000. С. 46–53.

родственные связи с ханами найманов или керейтов, которые исповедовали христианство в несторианской форме и периодически контролировали степи Семиречья⁸⁵.

Как мы уже писали в других работах, одним из основных аргументов сторонников монгольской теории происхождения сельджуков – помимо чисто лингвистического (салджиут/сельджук) – является ссылка на памятники сельджукского изобразительного искусства, созданные в эпоху империи Великих Сельджукидов (XI–XII века) и сохранившиеся в Иране и Средней Азии. Значительная часть этих памятников была выставлена в Нью-Йорке в музее Метрополитен в рамках выставки под названием «Двор и космос. Великий век сельджуков» в 2016 году⁸⁶. Сельджукские памятники – в частности, стелы с изображением воинов, характерные для многих тюрко-монгольских кочевых культур раннего Средневековья, росписи на керамической посуде, статуэтки и изображения султанов, например, Тогрул Бека, Малик Шаха – фиксируют ярко выраженные антропологические признаки принадлежности знати сельджуков, сельджукской военной элиты к монголоидной расе, к которой не принадлежат ни туркмены, ни завоеванные сельджуками представители фергано-памирской расы Хорасана. Нали-

⁸⁵ *Asim N. Türk Tarihi*. Istanbul, 1898. P. 244–245; *Агаджанов С. Г.* Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // *Тюркологический сборник*. М., 1970. С. 192–207.

⁸⁶ *Canby S. R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A. C. S. Court and Cosmos. The Great Age of the Seljuqs*. New York, 2016. P. 2–15.

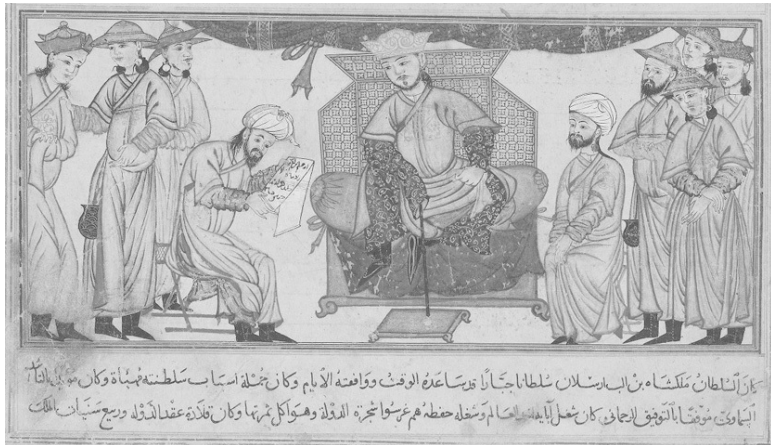
чие в массе туркменских племен, подвластных сельджукам, господствующего монгольского элемента подтверждается не только памятниками изобразительного искусства, но и некоторыми нормами обычного права сельджуков.

Дробление державы Великих Сельджукидов, начавшееся уже при преемниках Малик Шаха, находит закономерное объяснение с точки зрения лестничной системы наследования улусов, которая будет отличительной чертой монголов-чингизидов, и которая, по всей видимости, существовала также у сельджуков и караханидов, но отсутствовала в системе наследования тюрко-иранских династий XI–XII веков – Газневидов, Эйюбидов, Ануштегинидов. Как для сельджуков, так позднее и для монголов-чингизидов в равной степени был характерен правовой дуализм, который предполагал, что хан, принадлежащий к верховному роду, заимствует титул правителей покоренной территории и одновременно остается ханом для своих воинов. Тогрул Бек, хан сельджуков, затем Алп-Арслан и Малик Шах приняли титул «шахиншаха» и «султана ислама», оставаясь ханами для своих соплеменников. Точно так же в XIII веке будут действовать монголы-чингизиды – создатели государства ильханов в Иране и империи Юань в Китае. Разница между ними заключалась лишь в позиции, занятой по отношению к халифату Аббасидов. Сельджуки, уже принявшие ислам к моменту завоевания Ирака, оказали почести халифу, после взятия Багдада признали его духовным владыкой уммы, а монго-

лы-чингизиды, бывшие либо язычниками-тенгрианами, либо несторианами, зная, вероятно, драматическую историю правления сельджуков в Ираке, халифа и весь его род умертвили. С этой точки зрения досадна ошибка Г. Г. Литаврина, назвавшего Тогрул Бека «багдадским халифом» и пытавшегося объяснить титулование хана сельджуков в трудах Катакалона Кекавмена и Михаила Атталиата как «василевса персов» традиционной архаизацией этнонимов в византийской исторической литературе⁸⁷. Тогрул Бек не был халифом Багдада, и его титулование византийскими современниками как «василевса персов» было связано с тем, что завоеватели-сельджуки действительно считались шахами Ирана в официальной титулатуре и в персидской политической публицистике XI века, например, в «Сиасет Наме» Низам аль-Мулька⁸⁸.

⁸⁷ *Катакалон Кекавмен*. Советы и рассказы... С. 373.

⁸⁸ *Сиасет-намэ*. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. и прим. Б. Н. Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Султан Малик Шах, Великий Сельджукид. Персидская миниатюра

Современный исследователь Э. Пикок следует сообщениям арabo-персидской историографии, известным В. В. Бартольд. С его точки зрения, сельджуки были связаны с огузской военной знатью Хазарского каганата⁸⁹, которая после окончательного упадка каганата на рубеже X–XI веков в поисках новых владений устремилась на юг – в Хорезм и Хорасан. Данная точка зрения не противоречит теории монгольского происхождения сельджукской военной знати, т. к. монгольские предки Тогрул Бека могли вступать в договор-

⁸⁹ Peacock A. C. S. Early Seljūq History: A New Interpretation. London; New York, 2010. P. 16–46.

ные отношения с хазарскими каганами, брать в жены тюркских княжон, а основную массу сельджукских вооруженных сил, в любом случае, составляли тюркские племена огузов. Завоевание сельджуками Анатолии после 1071 года создало предпосылки для ассимиляции тюрками греческого населения этого региона, а новые потоки туркменских племен, мигрировавших по маршрутам, которые были проложены сельджуками в XI веке, в итоге привели к появлению в конце XIII века Османского государства.

Сельджукские воины XI–XII вв. Киданьская погребальная маска X–XII вв.

Вместе с тем гипотеза о монгольском происхождении династии Сельджукидов в определенной степени может быть подкреплена фактами из истории соседней империи Ляо, созданной императором киданей Абаоцзи

耶律阿保機

(907–926) в монгольских

степях и Манчжурии⁹⁰. Тяжелая конница киданей, обладавшая хорошим оборонительным вооружением, была непобедима в монгольских степях вплоть до возвышения чжурчженей в первой половине XII века. Военное дело киданей, вероятно, оказало влияние не только на чжурчженей, но и на тюркских кочевников⁹¹. Возвышение рода Сельджука среди многочисленных тюркских ханов может быть объяснено лишь исключительно мощным военным потенциалом сельджукской орды, истоки которого, вероятно, следует искать в более широких процессах, связанных с началом экспансии монгольских племен в Центральной Азии в X–XI веках, в частности, с киданьским военным и культурным влиянием. Могло ли это влияние быть следствием не только могуще-

⁹⁰ *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань Го Чжи) / Пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 41–54.

⁹¹ *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2003. С. 66–212; *Бобров Л. А.* Киданьский шлем из Забайкальского краеведческого музея // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 75–79; *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

ства киданей, но также монгольского происхождения самого Сельджука?

С чего же начинается фактическая история сельджуков? В конце X века Сельджук († 1038), сын Тоака из рода Тугшермыша, служил огузскому ябгу и, возможно, также хазарским каганам. Подлинная биография Сельджука овеяна легендами, которые были зафиксированы в «Малик-наме» – утраченном эпическом памятнике на персидском языке (возможно, исходная версия этого произведения была написана по-арабски), фрагменты которого сохранились в сочинении Мирхонда, придворного историка Тимуридов⁹². Сельджуку удалось установить контроль над племенем кынык и стать его вождем, основав династию⁹³. Так родились сельджуки – народ, очень скоро ставший завоевателем Среднего и значительной части Ближнего Востока. По одной из версий, приведенных Мирхондом, Сельджук в ставке огузского ябгу стал сю-баши, т. е. верховным главнокомандующим, навлек на себя ненависть любимой жены ябгу из-за того, что уселся в юрте ябгу возле него самого, оттеснив его женщин и детей. Жена ябгу обвинила Сельджука в гордости, и он вынужден был бежать со своим племенем на юг. Как же тут не вспомнить сказание о Сиявуше, который бежал в Туран от

⁹² Mirchondi Historia Seldschukidarum / Hrsg. von M. K. M. Khvand, J. A. Vullers. Giessen, 1838. P. 1–5; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939. С. 450–454.

⁹³ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов... С. 90–96.

преступной любви своей мачехи Судабе, согласно сведениям из Шахнаме Фирдоуси⁹⁴? Что если рассказ о Сельджуке из «Малик-наме», переданный Мирхондом, в действительности представляет собой лишь позднюю литературную вариацию сказания о Сиявуше, и реальный Сельджук не имел к огузскому ябгу никакого отношения?

По другой версии, приведенной тем же Мирхондом, Сельджук служил Хазарскому каганату. Рассматривая эту версию, мы можем предположить, что Сельджук отложился от каганата после разгрома хазарской столицы Итиля дружиной киевского князя Святослава, после чего ушел в степи к южным берегам Аральского моря. Сельджук скончался около 1038 года в Дженде – древнем городе на правом берегу Жандарьи, разоренном в 1220 году монгольскими войсками Джучи. Сын Сельджука по имени Микаил († 1009) был христианином, однако сыновья Микаила, внуки Сельджука Мухаммад Тогрул Бек и Чагры Бек Дауд сознательно приняли ислам, желая начать военную экспансию на территориях мусульманских государств Ирана и Хорасана. Внуки Сельджука покинули окрестности Дженда вместе со своими ордами, и в начале 1030-х годов попросились на службу к султану Масуду, правителю обширной империи Газневидов. Владения Газневидов охватывали Хорасан и западную Индию. Как следует из источников – в частности, из сохранившихся фрагментов «Малик-наме», из сочинения Мирхонда,

⁹⁴ *Абулькасим Фирдоуси. Шахнаме. М., 1960. Т. II. С. 118–174.*

придворного историка Тимуридов, – уже в начале 1030-х годов отряды сельджуков совершили набег на территории Армении и Азербайджана⁹⁵. Опасаясь, что Сельджуки захватят Хорасан, Масуд начал против них войну. В итоге сельджуки нанесли сокрушительное поражение армии Масуда в битве при Данданакане Мервском 23–25 мая 1040 года.

Участник сражения таджикский историк Байхаки оставил яркое описание этого побоища, которое мы приводили в книге «Император Алексей I Комнин и его стратегия»⁹⁶. Поражение Масуда предопределило судьбу его государства и всего региона. В течении нескольких лет сельджуки завоевали значительную часть владений Газневидов и Буидов – Хорасан, часть Мавераннахра, Иран и Ирак, приняли сасанидский титул «шахиншахов», а также особый титул «султанов ислама»⁹⁷. Позднее, по мере развития сельджукской экспансии новоперсидский язык стал языком двора сельджукских султанов, языком светской литературы и официального общения в огромной империи, границы которой к концу XI века простирались от западного побережья Малой Азии до хребтов Памира и оазисов Хотана, подобно Сасанидской державе времен Хосрова II Апарвеза (591–628).

⁹⁵ Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI веке // Палестинский сборник. М.; Л., 1976. Вып. 13 (76). С. 144–158.

⁹⁶ *Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда* / Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962. С. 446.

⁹⁷ *Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов...* С. 95–96.

К сожалению, настоящая научная история сельджукских завоеваний в значительной степени еще не написана и представляется задачей будущих исследователей. Это обстоятельство связано с комплексом причин, среди которых следует отметить слабую разработанность археологии ранних сельджуков, позднее происхождение основной массы письменных источников (XII–XIII вв.), а также методологическую тенденциозность ряда специалистов в области сельджукской истории. В частности, работы К. Каэна по истории сельджукских завоеваний отличаются тем, что автор отказывается от попытки ответить на вопросы о происхождении сельджуков, о культурных причинах сельджукских завоеваний и их успехах⁹⁸. Основные этапы сельджукского завоевания Анатолии, предложенные К. Каэном, требуют пересмотра, ибо он, являясь до конца жизни активным членом французской коммунистической партии, следовал догматическим постулатам марксизма и не уделял должного внимания ни кочевому характеру КХТ сельджуков и его роли в колонизации Анатолии, ни внутреннему состоянию Византийской империи в период сельджукских завоеваний. В результате при чтении работ К. Каэна создается впечатление, что ранний переход части огузских племен, входивших в сельджукский племенной союз, к полуоседлому или оседлому образу жизни предопределил успех сельджукской экспансии, что не соответствует результатам исследований современ-

⁹⁸ Cahen C. La Turquie pre-ottomane. Istanbul, 1988. P. 3–26.

ных специалистов.

Другим примером тенденциозного освещения событий, связанных с сельджукским завоеванием, являются работы Р. А. Гусейнова, который изобретает такое понятие как «геополитическая система Евразии XI–XII вв.»⁹⁹. В это понятие исследователь включает завоеванные сельджуками территории Закавказья. Подобный бессмысленный неологизм не только не способствует адекватному пониманию последствий сельджукского завоевания на территориях Армении и византийской Малой Азии для проживавших на этих территориях армян или ромеев, но создает об этих последствиях превратное представление. Странно звучат слова Р. А. Гусейнова о том, что в середине XI века Армения, название которой берется автором в кавычки (!), «определялась как географическое пространство в восточной Анатолии»¹⁰⁰. Как будто бы в составе Византийской империи, включившей в свой состав армянские государства, не было таких военно-административных единиц, как фема Тарон, фема-катепанат Васпуракан, и, наконец, старинная фема Армениак. Поражение византийской армии в битве при Манцикерте объявляется автором событием мирового масштаба, хотя современные византинисты склоняются к тому, что действительные масштабы и значение битвы при Манцикерте позднее были серьезно преувеличены, о чем свидетельствуют

⁹⁹ Гусейн-Заде Р. А. Кавказ и Сельджуки. Баку, 2010. С. 62–82.

¹⁰⁰ Там же. С. 16.

сравнительно мягкие для Византии условия договора между Алп Арсланом и пленным императором Романом Диогеном. Р. А. Гусейнов и в более ранних публикациях также переоценивает военно-политические последствия сельджукских побед при Манцикерте и Мириокефале, утверждая, что сельджуки подготовили падение Константинополя в 1204 году¹⁰¹, но при этом обходя молчанием сельджукские поражения при Филомелионе и на Меандре, где, как известно, никейский император Феодор I Ласкарь (1208–1221/1222) лично отсек голову иконийскому султану Кей-Хосрову I (1192–1196, 1205–1211). Ко всему прочему Р. А. Гусейнов делает настоящее «открытие»: оказывается, после поражения при Мириокефале император Мануил Комнин «предпочел сдаться на милость победителя – конийского султана Килидж-Арслана II»¹⁰². Подобная тенденциозность и откровенные фантазии, к сожалению, снижают ценность работ Р. А. Гусейнова.

Лучше всего основные проблемы, связанные с историей сельджукского завоевания, были освещены в работах С. Г. Агаджанова, который подробно описывает то, как сельджуки завоевали Хорасан¹⁰³. Однако и публикации этого исследователя несвободны от досадных ошибок. В частности,

¹⁰¹ *Гусейнов Р. А.* Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам) // Палестинский сборник. Л., 1971. Т. 23 (86): Византия и Восток. С. 156–166.

¹⁰² *Гусейн-Заде Р. А.* Кавказ и Сельджуки... С. 188.

¹⁰³ *Агаджанов С. Г.* Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв... С. 28–70.

С. Г. Агаджанов проявляет определенную небрежность там, где затрагивает проблемы отношений ромеев Малой Азии и сельджукских завоевателей. Историк Никита Хониат, описавший эти отношения, получает в изложении С. Г. Агаджанова имя Никифор¹⁰⁴, по всей видимости, из-за того, что автор просто перепутал Никиту Хониата с Никифором Вриением. Причину взятия Никеи Сулейманом С. Г. Агаджанов видит в «в междоусобных раздорах в империи при Алексее Комнине», дату воцарения которого автор приводит с ошибкой в три года¹⁰⁵. При этом в действительности приход к власти Алексея Комнина привел к прекращению гражданских войн в империи, а захват Никеи сельджуками был предопределен событиями предшествующего царствования Никифора III Вотаниата.

Не более чем курьезом в современном российском византиноведении и востоковедении можно назвать публикацию в 2020 году рецензии екатеринбургского византиниста В. П. Степаненко на нашу монографию «Император Алексей Комнин и его стратегия»¹⁰⁶. К сожалению, факт появления подобной рецензии свидетельствует лишь о глубочайшем кризисе гуманитарной науки в современной России. В

¹⁰⁴ Там же. С. 87.

¹⁰⁵ Там же. С. 96.

¹⁰⁶ *Степаненко В. П.* Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб., Изд-во СПбДА, 2020. – 280 с. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 755–773.

частности, автор рецензии – профессор Уральского федерального университета – путает битву при Босворте, произошедшую в 1485 году, и битву при Гастингсе 1066 года, отвергает факты из истории византийско-армянских отношений, связанные с мятежом Адама Севастийского, которые были доказаны еще Густавом Шлюмбергером на основании сведений из хроники Матфея Эдесского, демонстрирует незнание таких византийских источников, как хронографии Георгия Кедрина и Иоанна Зонары, которые осветили участие варяго-русской дружины киевского князя Владимира в подавлении восстания Варды Фоки, проявляет некомпетентность в области военной археологии кочевников евразийских степей раннего Средневековья, выдает за научно установленный факт лишь одну из версий убийства сельджукского султана Алп-Арслана, игнорируя при этом иные версии источников¹⁰⁷ и т. д. Мы разобрали многочисленные ошибки, допущенные профессором В. П. Степаненко, в специальной публикации¹⁰⁸, однако критическая оценка указанной рецензии как текста, не только изобилующего ошибками, но и составленного, по всей видимости, «литературными неграми» и лишь подписанного именем ученого, необходима для ха-

¹⁰⁷ Агаджанов С. Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв... С. 90–91.

¹⁰⁸ Митрофанов А. Ю. С благодарностью и сожалением. Очередной спор на руинах российской византистики. Ответ на статью В. П. Степаненко «Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2020. – 280 с.» // Христианское чтение. 2021. № 2. (В печати.)

рактические характеристики состояния современной отечественной литературы, посвященной отношениям Византии и сельджуков.

В ходе войны с Газневидами сельджуки взяли Нишапур, Балх и Герат, откуда бежал султан Масуд Газневи. После заключения мира с государством Газневидов восточной границей Сельджукской империи стал Индийский Кавказ или же Гиндукуш и некоторые сопредельные территории современного Афганистана. В 1042 году Тогрул Бек завоевал Гурган (Гиркания) и Табаристан. В 1043 году Чагры Бек, брат Тогрул Бека покорил Кят, столицу Хорезма и принял титул хорезмшаха. В 1045 году сельджуки взяли Хамадан (Экбатана). В 1050 году сельджукам сдался Исфахан (Аспандана), ставший впоследствии столицей великих сельджукидов. В 1055 году Тогрул Бек завоевал Багдад и установил контроль над Ираком. Тогрул Бек принял титул «султана ислама» и принес присягу на верность Аббасидскому халифу Аль-Каим Би-амриллаху (1001–1075), которого освободил от господства шиитов и на дочери которого женился. К 1060 году сельджуками были завоеваны области Герата (Александрия Ариана), Балха (Бактрия) и Систана (Дрангиана). В 1046–1049 годах сельджуки Тогрул Бека совершили конный рейд по территории Армении и восточной Анатолии, перейдя границу Византийской империи¹⁰⁹.

¹⁰⁹ *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973. С. 5–7. *Cahen C.* La première pénétration turque en Asie Mineure, seconde moitié du XIe siècle // *Byzantion*, t. XVIII, 1948. P. 5–67.

Этот поход повторился в 1054 году, однако сельджуки потерпели поражение от византийской армии под командованием Василия Апокапа в первой битве при Манцикерте. Окрыленный успехом император Константин IX Мономах (1042–1055) не придавал сельджукской угрозе никакого значения, а один из преемников Константина Мономаха, император Константин X Дука (1059–1067), под предлогом экономии средств расформировал войска, собранные в Армении, переложив оборону восточной границы и крепостей на плечи армянских нахараров – бывших подданных государства Багратидов¹¹⁰. Эта стратегическая ошибка византийского правительства привела к непоправимым и трагическим последствиям. Ликвидация государства Багратидов и присоединение Великой Армении к Византийской империи при императоре Константине Мономахе в 1045 году привела к исчезновению буферного государства, прикрывавшего с 886 года восточную византийскую границу. Поглощение государства Багратидов способствовало созданию у византийского правительства опасной иллюзии централизованного контроля над восточными рубежами империи, охрану которых доверили представителям местных властей – армян-

¹¹⁰ *Michel Psellos. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Ed. par Emile Renauld. Paris, 1928. Т. II. Р. 146; Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2011. №. 1 (96). С. 58–66.*

ским нахарарам¹¹¹. Последний представитель династии Багратидов царь Гагик II поселился во внутренних областях Византийской империи, конфликтуя с представителями греческой церковной иерархии. Известен чудовищный эпизод, когда Гагик II приказал зашить в мешок и затравить собаками греческого православного митрополита, который критиковал перед отставным царем церковные обычаи армян. (Поистине, царь Иван Васильевич Грозный, согласно Псковскому летописцу подвергший подобной казни архиепископа Новгородского Леонида, уже имел далекого предшественника на почве душегубства.) В то же время армянские князья были предоставлены сами себе. Данной ситуацией очень скоро воспользовались сельджуки.

Тогрул Бек – хан сельджуков, «шахиншах» и «султан ислама», создавший державу Великих Сельджукидов, умер 4 сентября 1063 года. Год спустя, в 1064 году, армянский историк Аристакес Ластиверци стал свидетелем разгрома сельджуками города Ани – бывшей столицы государства Багратидов. Завоеватели истребили практически все население города. Впереди перед ордами сельджуков простирались территории Каппадокии, Армениака, Понта и других фем Ви-

¹¹¹ Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011. С. 456–457; Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 10–298; Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 году // Византийский временник. 1979. Т. 40 (65). С. 76–91.

зантийской империи¹¹². Армии сельджуков в значительной степени опирались еще и на иранские военные традиции, что превращало сельджукскую военную организацию в эффективный инструмент завоевания Передней Азии¹¹³.

¹¹² *Агаджанов С. Г.* Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв... С. 56–96.

¹¹³ *Гусейнов Р. А.* Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Вып. 17 (80): История и филология стран Ближнего Востока в древности и в средневековье. Л., 1967. С. 131–147; *Гусейнов Р. А.* Уджи – военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII вв. // Тюркологический сборник 1974. М., 1978. С. 219–229.

Трагедия Романа Диогена

Вступивший на императорский престол в 1067 году энергичный полководец Роман Диоген (1067–1071) попытался переломить ряд военных неудач империи на востоке. Император предпринял несколько успешных походов против сельджуков и надеялся решительно изменить ход боевых действий в пользу Византийской империи. Армия Романа Диогена, его стратегия и тактика были изучены в исследованиях А. С. Мохова¹¹⁴. Первый поход Диогена, предпринятый в 1068 году в северную Сирию, был направлен против эмира Алеппо и объединенных сил сельджуков и арабов. Роман сумел ликвидировать угрозу Антиохии, подавил недовольных армян в Севастии, взял Иераполь¹¹⁵. Второй поход в Каппадокию и Месопотамию состоялся в 1069 году. Несмотря на мятеж норманнского рыцаря Роберта Криспина и его наемников против командования в феме Армениак, Роман разбил инсургентов, заставил сельджуков отступить из Каппадокии, затем прошел через Мелитену, истребляя по дороге местные турецкие банды, форсировал Евфрат возле Ро-

¹¹⁴ Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071) // *Античная древность и средние века*. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 275–295.

¹¹⁵ *Matthieu d'Édesse. Chronique* / Ed. par Edouard Delaurier. Paris, 1858. P. 166–167.

манополя и вышел к армянской крепости Ахлат на озере Ван. Третий поход Романа против сельджуков в Каппадокию и Армениак был предпринят в 1070 году. После отступления Романа ромеи под командованием архонта Филарета были разбиты сельджуками под Романополем. В 1070 – начале 1071 года состоялся неудачный поход Алп-Арслана, султана сельджуков, на Эдессу и Алеппо. Это обстоятельство утвердило Романа в мысли о необходимости придерживаться и впредь избранной прежде наступательной стратегии. По свидетельству Никифора Вриенния, Роман планировал поход на Багдад, хотел перенести войну на территорию государства сельджуков, обещал стратигам и архонтам земли в завоеванных областях Ирана¹¹⁶.

¹¹⁶ *Nicéphore Bryennios. Histoire...* P. 96–98.

ΡΩΜΑΝΟΣ
ΒΑΣΙΛΕΥΣ
ΡΩΜΑΙΩΝ

ΕΥΔΟΚΙΑ
ΒΑΣΙΛΙΣ
ΡΩΜΑΙΩΝ

Император Роман IV Диоген и императрица Евдокия Макремволитисса, коронуемые Христом (возможно, император Роман II и императрица Евдокия)

В 1071 года Роман начал четвертый поход в Армению, ставший роковым. Летом 1071 года император разделил силы, отправив лучшую часть армии – варяжскую гвардию, норманнских рыцарей, тагмы восточной армии, печенегов и узов к крепости Хлат, а сам остался во главе менее боеспособного фемного ополчения стратиотов. 25–26 августа 1071 года в результате измены Андроника Дуки и печенежских отрядов Роман Диоген остался без резервов и был наголову разбит султаном сельджуков Алп-Арсланом (1063–1072), племянником Тогрул Бека (1038–1063), во второй битве при Манцикерте. Поражение ромеев, подробно описанное участником битвы Михаилом Атталиатом, усугублялось тем, что доблестно сражавшийся император был ранен и попал в плен¹¹⁷. Это трагическое событие положило начало сельджукскому завоеванию Анатолии. Вскоре сельджуки, которые хорошо обращались с пленным императором, под-

¹¹⁷ Michaelis Attaliothae Historia / Hrsg. von W. Brunet de Presle. Bonn, 1853. P. 148–167; *Nicéphore Bryennios. Histoire...* P. 114–118; Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци / Пер. К. Н. Юзбашьяна. М., 1968. С. 137; *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-Сельджукийя. Сливки летописей о сельджукских эмирах и государях* / Пер. З. М. Бунятова. М.: Восточная литература, 1980. *Cahen C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // Byzantion*, t. IX, fasc. 2, 1934. P. 628–642.

писали мирный договор и отпустили Романа. Возвращаясь через фемы Анатолии, Роман узнал о том, что придворные бюрократы провозгласили в Константинополе нового василевса – пасынка Михаила Дуку Парапинака (1050–1090), сына жены Романа императрицы Евдокии Макремволитиссы (1021–1096) от первого брака. Роман стал собирать верные войска, в основном этерии армянских князей, для наступления на столицу. Империя, атакованная сельджуками, погрузилась в хаос гражданской войны. Однако Михаила VII поддержала лучшая часть византийской армии – две тысячи солдат варяжской гвардии и норманнские рыцари. В битве при Докее армия Михаила VII под командованием Роберта Криспина, возвращенного из ссылки, разгромила войска, верные Диогену. Их командир Феодор Аллиат был взят в плен и ослеплен. Летом 1072 года армия Роберта Криспина была усилена резервами из западных этерий (македонские и фракийские катафракты) и нанесла новое поражение сторонникам Диогена, которыми командовал армянин Хачатур, в битве под Тарсом. Роман был вынужден закрепиться в крепости Адан, а затем сдался. Во время транспортировки бывшего императора солдатами Андроника Дуки, доместика схол Востока, в городе Котиея Роман был ослеплен шестом от солдатской палатки, несмотря на то, что личная безопасность Диогена была перед этим гарантирована тремя митрополитами. Через несколько дней Роман Диоген скончался. Трагическая участь Романа Диогена произвела сильное впечат-

ление на современников и была описана не только в византийских источниках, но и в западно-европейских хрониках, авторы которых упоминали Романа IV в различном контексте. В частности, поражение Романа при Манцикерте было кратко описано Вильгельмом Тирским, а история свержения Романа и его ослепления позднее была изложена Джованни Боккаччо¹¹⁸.

Вскоре после гибели Романа Диогена Анатолия пала под ударами сельджуков, что привело в смятение императорский двор – юного императора Михаила VII Дуку Парапинака и его прекрасную супругу императрицу Марию Аланскую.

¹¹⁸ *Guillaume de Tyr. Chronique* / Éd. par R. B.C. Huygens, H. E. Meyer, G. Rösch // *Corpus Christianorum Continuatio Medievalis* 63. Turnhout: Brepols, 1986. Vol. I. P. 120; *Boccaccio G. De casibus virorum illustrium*. Augsburg, 1544. P. 249–250.

Императрица Мария Аланская

Вести о катастрофе при Манцикерте достигли Рима довольно быстро благодаря наличию в византийской армии целых подразделений, укомплектованных выходцами из Северной и Западной Европы. К подобным соединениям относилась, в частности, варяжская гвардия, солдаты которой поддерживали постоянные контакты со Скандинавией. В ответ папа Григорий VII (1020/1025–1085) призвал западных рыцарей прийти на помощь Константинопольской империи. Спустя год после гибели Романа Диогена Григорий VII написал письмо императору Михаилу VII Дуке Паррапинаку, в котором призывал василевса прекратить схизму между Церквями, начавшуюся в 1054 году¹¹⁹. Еще через год Григорий VII впервые объявил о походе на помощь Константинополю против сельджуков и печенегов в письме от 1 марта 1074 года и в «Диктате папы» от 16 декабря 1074 года¹²⁰, находясь под впечатлением от поразительных военных успехов сельджуков-

¹¹⁹ Das Register Gregors VII / Hrsg. von E. Caspar. Berlin, 1955. Vol. I. P. 29–30.

¹²⁰ Das Register Gregors VII... Vol. I. P. 75; *Fontes litem de investitura illustrantes. Pars prior Gregorii Papae VII Epistolae selectae* / Cura et studio F. J. Schmale // *Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters*. Darmstadt, 1978. B. XII a. P. 70; *Cowdrey H. E. Pope Gregory VII, 1073–1085*. Oxford, 1998. P. 481–487; P. 192; *Mitrofanov A. L'Éclésiologie d'Anselme de Lucques (1036–1086) au service de Grégoire VII: Genèse, contenu et impact de sa Collection canonique* // *Instrumenta Patristica et Mediaevalia*. Turnhout: Brepols Publishers, 2015. Vol. 69. P. 192–193.

ского султана Алп-Арслана. Тогда же был заключен договор о брачном союзе кесаря Константина, сына императора Михаила VII Дуки Парापинака и императрицы Марии Аланской, с Еленой, дочерью Роберта Гвискара (1015–1185), норманнского герцога Апулии, остававшегося пусть непостоянным, но наиболее могущественным союзником папы в Италии.

Поход против сельджуков, к которому призывал Григорий VII, не состоялся из-за переворота Никифора III Вотаниата (1002–1081) в январе 1078 года. Как полагал Клод Каен, Никифор Вотаниат вывел из Малой Азии все то, что еще оставалось от византийских войск, необходимых ему для захвата Константинополя¹²¹. Мнение Клода Каена не слишком хорошо обосновано, однако очередная гражданская война в Византии безусловно облегчила анатолийским огузам захват малоазиатского побережья. Огузы активно мигрировали из восточной Анатолии на запад Малой Азии после смерти Алп Арслана, так как его преемник султан Малик Шах (1072–1092) вовсе не был заинтересован в усилении рода Кутулмыша в Анатолии и позднее заключил союз с Алексеем Комнином против румского султана Абу-ль-Касима (1086–1092)¹²². В лице Малик Шаха великие сельджукиды Ирана претендовали на политическое господство над всеми турками и по

¹²¹ *Cahen C. La Turquie pre-ottomane... P. 13.*

¹²² *Cahen C. La Turquie pre-ottomane... P. 13–16. Cahen C. Qutlumush et ses fils avant l'Asie Mineure // Der Islam 39, 1964. P. 14–27.*

этой причине стремились ограничить экспансию стремившихся к независимости анатолийских огузов.

Никифор Вотаниат приказал постричь Михаила VII в монахи, а сам женился на его супруге императрице Марии Аланской. По свидетельству Никифора Вриенния, абсурдность подобного бракосочетания была столь очевидна, что священник мешкал с началом церемонии. Приближенные узурпатора прогнали этого священника из храма и приволокли другого пресвитера, который и совершил браковенчание. В ответ Никифор Вотаниат был отлучен папой Григорием VII от Церкви на Соборе в Риме 19 ноября 1078 года, в наказание за брак с императрицей Марией Аланской, заключенный при живом муже¹²³. Очевидно, папа действовал, опираясь не только на «Диктат папы», но и на 3–5 каноны Сардикийского Собора, который в 343 году признал за Римским епископом право быть судьей во всей Церкви¹²⁴.

Кем же была виновница церковного суда над новым императором и произнесенного над ним папского отлучения? Как уже было отмечено, красавица Мария Аланская была дочерью грузинского царя Баграта IV Куропалата (1027–1072) и царицы Борены Аланской, которая, в свою очередь, являлась сестрой аланского царя Дургулея Великого. Последую-

¹²³ Das Register Gregors VII... Vol. II. P. 400.

¹²⁴ Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων / Γ. Α. Ράλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. Ἀθήνησιν, 1853. Τ. III. Σ. 233–240; *Никодим Святогорец, прп.* Пидалион. Правила Православной церкви с толкованиями: в 4 т. Екатеринбург, 2019. Т. III. С. 203–205.

щие события продемонстрировали, что земная красота сочеталась у императрицы Марии Аланской с необычайным государственным умом и политической волей. Как мы уже писали, Анна Комнина, дочь императора Алексея I, лично была очень хорошо знакома с императрицей Марией Аланской, которая стала воспитательницей юной принцессы, и оставила о ней яркие воспоминания на страницах «Алексиады». Анна вспоминала о Марии как о неземной красавице, обладавшей завораживающими и соблазнительными манерами, как об ожившей античной статуе, с которой, вероятно, могли бы сравниться только Амага и Тиргатао, сарматская и меотская царицы эллинистической эпохи¹²⁵.

¹²⁵ *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао... С. 3–22 (ЗООИД. XXXII. Одесса (1915). С. 58–77). В дискуссиях высказывались предположения о связи между Амагой и женским царским погребением сарматского времени, найденным в Ногайчинском кургане (Крым) Аскольдом Щепинским в 1974 году. Однако погребение было датировано I веком до Р. Х., тогда как эпоха Амаги, скорее всего, представляет собой II век до Р. Х., на столетие раньше; см.: *Симоненко А. В.* Стекланные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2007. № 1 (29). С. 57–66; *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* К исторической интерпретации захоронения в Ногайчинском кургане // *Археология.* 2004. № 4. С. 19–23; *Щепинский А. А.* Сокровища сарматской знати // *Вестник АН УССР.* 1977. № 10. С. 75–76; *Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. К., 1993. С. 71; *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 120; *Граков В. Я.* Каменное городище на Днепре // *МИА.* 1954. № 36. С. 28. По мнению А. Б. Егорова, М. М. Холода, А. К. Нефедкина и других авторов комментария к Полиэну, события, излагаемые Полиэном в связи с преданием об Амаге (от древнеиранского amākā (ж. р.) – «сильная», «могущая»), вероятно, датируются временем около 179 года до Р. Х.; см.: *Полиэн.* Стратегемы / Под общ. ред.

Анна так описывала императрицу Марию: «А была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были не доступны ни описанию, ни изображению. Ни Апеллес, ни Фидий, ни какой-либо другой скульптор никогда не создавали подобных статуй. Как говорят, голова Горгоны превращала всех смотрящих на нее в камни, всякий же, кто случайно видел или неожиданно встречал императрицу, открывал от изумления рот, в безмолвии оставался стоять на месте, терял способность мыслить и чувствовать. Такой соразмерности членов и частей тела, такого соответствия целого частям, а частей целому никто никогда не видел в человеке. Это была одухотворенная статуя, милая взору людей, любящих прекрасное, или же сама Любовь, облеченная плотью и сошедшая в этот земной мир».

[Καὶ γὰρ ἦν εὐμήκης μὲν τὴν ἡλικίαν καθάπερ εἰ
κυβάριττος, λευκὴ δὲ τὸ σῶμα ὡσεὶ χιῶν, πρόσωπον

А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 560; *Brodersen K. Polyanos, Neue Studien.* Berlin, 2010. S. 2–42; *Доманский Я. В., Фролов Э. Д.* Основные этапы развития межполюсных отношений в Средиземноморье в дорийскую эпоху (VIII–I вв. до н. э.) // *Античное общество. Проблемы политической истории.* СПб., 1997. С. 184–186; *Пальцева Л. А.* Херсонес Таврический в V–I вв. до н. э. Л., 1988. С. 29.

κύκλον μὲν οὐκ ἀπαρτίζον, τὸ δὲ χρῶμα δι' ὄλου ἄνθος ἠρινὸν ἢ ρόδον ἀντικρυς. Τὰς δὲ τῶν ὀμμάτων αὐγὰς τίς ἀνθρώπων ἐξείποι; Ὅφρῦς ὑπερανεστηκυῖα καὶ πυρσὴ, βλέμμα χαροπόν. Ζωγράφου μὲν οὖν χεὶρ τὰ τῶν ἀνθέων πολλάκις ἐμιμήσατο χρώματα, ὅποσα ὄραι φέρειν εἰώθασι, τὸ δὲ τῆς βασιλίδος κάλλος καὶ ἡ ἐπιλάμπουσα αὐτῇ χάρις καὶ τὸ τῶν ἡθῶν ἐπαγωγόν τε καὶ εὐχαρι ὑπὲρ λόγον καὶ τέχνην ἐφαίνετο· οὐκ Ἀπελλῆς, οὐ Φειδίας οὐδέ τις τῶν ἀγαματοποιῶν τοιοῦτόν ποτε παρήγαγεν ἄγαλμα. Καὶ ἡ μὲν τῆς Γοργοῦς κεφαλὴ λίθους ἐξ ἀνθρώπων τοὺς ὀρῶντας ἐποίει, ὡς λέγεται, τὴν δὲ ἰδὼν ἄν τις βαδίζουσαν ἢ αἴφνης ὑπαντιάσας ἐκεχῆνει τε καὶ ἐπὶ ταύτου σχήματος ἐφ' ᾧ ἔτυχεν ὢν, ἴστατο ἐννεός, ὡς ἀφηρηῆσθαι τηνικαῦτα δοκεῖν καὶ ψυχὴν καὶ διάνοιαν. Ἀναλογίαν γὰρ τοιαύτην μελῶν καὶ μερῶν, τοῦ ὄλου πρὸς τὰ μέρη καὶ τούτων πρὸς τὸ ὄλον, οὐδεὶς οὐδέπω τοιαύτην ἐν ἀνθρώπου σώματι ἐθεάσατο· ἄγαλμα ἔμψυχον καὶ ἀνθρώποις φιλοκάλοις ἐράσιμον. Ἰμερος γὰρ ἀντικρυς ἦν σωματωθεὶς οἶον εἰς τόνδε τὸν περίγειον κόσμον.]¹²⁶.

Вчитываясь в подобное описание, несложно предположить, что как Никифор Вотаниат, так и Алексей Комнин были очарованы и побеждены этой ослепительной аланкой. Коллизия отношений между Марией Аланской, Алексеем Комнином и престарелым Никифором Вотаниатом удивив-

¹²⁶ *Annae Comnenae Alexias...* В. I. S. 91; русский пер. Я. Н. Любарского см.: *Анна Комнина. Алексиада...* СПб., 1996. С. 119.

тельно напоминает литературный сюжет парфянского рыцарского романа, который, по мнению В. Ф. Минорского, стал основой для создания персидского стихотворного романа «Вис и Рамин» сельджукским поэтом Фахраддином Гургани¹²⁷.

Весной 1081 года Мария Аланская приняла участие в подготовке восстания братьев Комнинов, в результате которого Никифор Вотаниат был свергнут, и армия Алексея Комнина захватила Константинополь. Как уже было отмечено выше, перед этими событиями императрица Мария, которая была всего лишь на семь лет старше Алексея, усыновила мятежного domestika схол и тем самым обеспечила ему свободный доступ во дворец еще до переворота. Императрица Мария играла важную роль при дворе нового императора и в первые годы его правления. Алексей Комнин оставил императрицу Марию вместе с ее сыном, который сохранил за собой титул наследника, в Большом Дворце. Как уже было отмечено, при византийском дворе заходили устойчивые слухи о том, что между императрицей Марией Аланской и доблестным стратилатом Алексеем Комнином существуют романтические отношения, что Мария в итоге сыграла при Алексее

¹²⁷ *Minorsky V. Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92; Davis D. Vis o Rāmin // Encyclopaedia Iranica Online Edition, 2005. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/vis-o-ramin> (дата обращения: 08.03.2021); Фахраддин Гургани. Вис и Рамин / Пер. С. И. Липкина. М., 1963. С. 452.*

Комнине ту же самую роль, которую в 969 году сыграла императрица Феофано – жена Романа II и Никифора II Фоки при Иоанне I Цимисхии. Предполагали, что Анна Далассина потворствует страсти своего сына к Марии Аланской, подготавливая развод Алексея с Ириной Дуkenой и последующий брак с Марией. То, что подобные слухи опирались на реальное положение вещей, признавали такие крупные византилисты как Шарль Диль и Фердинанд Шаландон, ссылаясь на сообщение Анны Комниной¹²⁸.

¹²⁸ *Diehl Ch. Figures Byzantines...* Vol. I. P. 335–336; *Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles...* Vol. I. P. 42.

Императрица Мария Аланская. Деталь миниатюры из византийской рукописи из собрания Французской Национальной Библиотеки, BNF Coislin 79, f° 2 bis v^o

Впрочем, императрица Мария Аланская приходилась Алексею Комнину не только приемной матерью, но и родственницей. Необходимо отметить, что согласно сообщению Никифора Вриенния, старший брат императора Алексея Комнина Исаак был женат на царевне Ирине, племяннице императрицы Марии Аланской¹²⁹ и, вероятно, дочери аланского царя Дургулеля Великого. Сообщение позднего автора Иоанна Цеца о том, что императрица Мария Аланская и ее семья имели не аланское, а авазгское, т. е. абхазское происхождение¹³⁰, вступает в противоречие со сведениями источников, современных правлению Алексея Комнина, и не заслуживает доверия. Вместе с тем необходимо отметить, что вторая половина XI века стала эпохой активного культурно-политического сближения Византии и христианских государств Кавказа, в частности Грузии, и в этом смысле она сильно отличалась от царствования императора Василия II. Одной из причин подобного сближения безусловно стала общая сельджукская угроза. Не только династическая политика Византийской империи на Кавказе, но и церковные отношения между Византией и Грузией приобрели в этот период очень активный характер, что, в частности, проявилось в рецепции Грузинской Церковью византийского канониче-

¹²⁹ *Nicéphore Bryennios. Histoire...* P. 143.

¹³⁰ *Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Комм. С. М. Перевалова. СПб., 2000. С. 137–138.*

ского права. В конце XI века, вероятно, уже при императоре Алексее Комнине, византийский Номоканон XIV титулов был полностью переведен на грузинский язык¹³¹. Добавим, что в составе Номоканона были переведены 28-е правило Халкидонского Собора 451 года и 36-е правило Трулльского Собора 692 года, которые, как известно, признавали Константинопольского патриарха равным Римскому папе. Грузинская Церковь тем самым отвергала претензии папства на верховное учительство и сохраняла верность православной вере после того, как Римский понтифик отлучил от Церкви императора Никифора Вотаниата.

Решения Римского Собора 1078 года были в известном смысле претворены Марией Аланской в конкретные политические шаги, направленные на свержение ее второго мужа Никифора Вотаниата, но без какого-либо участия папы Григория VII, исключительно благодаря личному влиянию и харизме императрицы Марии, которая с легкой руки невежественных римских канонистов также была под папским отлучением. Ибо даже если Мария Аланская и не была формально отлучена в определениях Римского Собора 1078 года, однако отлучение ее второго мужа императора Никифора Вотаниата за брак с Марией бросало тень и на нее. В конечном итоге, Мария не последовала за первым мужем импера-

¹³¹ *Бенешевич В. Н.* Грузинский великий номоканон по спискам Тифлиского церковного музея // *Христианский восток*. 1913. Т. 2. Вып. 3. С. 349–377; Т. 5 (1916). Вып. 2. 1917. С. 112–127.

тором Михаилом Дукой Парапинаком и не постриглась в монахини, а пошла под венец с престарелым Никифором ради сохранения власти для себя и для своего сына Константина. Какие же политические и юридические выводы проистекают из этих событий? Эти выводы заключаются в следующем.

Кесарь Константин Дука. Изображение на короне святого Иштвана

Во-первых, папство в лице Григория VII пристально следило за событиями на восточной границе Византийской империи еще в 1070-е годы. Во-вторых, идея Крестового похода против язычников первоначально предполагала поход на защиту Константинополя, а вовсе не в Иерусалим. Эта идея была подготовлена теми контактами между военной элитой западных латинских государств и Византией, которые сохранялись на протяжении многих десятилетий благодаря существованию варяжской гвардии и «маниакатов» – подразделения норманнских рыцарей, которое было сформировано Георгием Маниаком для завоевания Сицилии еще в 1030-е годы и которое, по сообщению Никифора Вриенния и Анны Комниной, сохранило почетное имя своего командира¹³². Подобная верность памяти первого командира была, вероятно, связана с влиянием старинных традиций, существовавших еще в римской армии. Если искать параллели подобному явлению в истории Нового времени, то было бы уместно сравнить его с аналогичной традицией, существовавшей в русской императорской армии и в Добровольческой армии в Белом Движении на Юге России, где существовали дроздовский, корниловский, марковский и алексеевский полки,

¹³² *Nicéphore Bryennios. Histoire...* P. 269; *Annae Comnenae Alexias...* B. I. S. 227.

названные в честь своих основателей. В-третьих, приговор Римского Собора 1078 года, произнесенный над «узурпатором» Никифором Вотаниатом и, вероятно, над его новой женой Марией Аланской, остался пустой формальностью не столько в силу церковной схизмы между Римом и Константинополем, сколько в силу того политического и человеческого влияния, которым обладала императрица Мария Аланская при дворе, среди военной элиты империи. Именно это влияние во многом предопределило успех комниновского переворота в марте-апреле 1081 года.

Канонические результаты Римского Собора 1078 года были ничтожны, но достаточно красноречивы. В соответствии с 3–5 правилами Сардикийского Собора, включенными в византийский Номоканон XIV титулов, а также на основании собственных документов – т. н. «Диктата папы» – папа Григорий VII произвел суд над императором Никифором Вотаниатом и отлучил его от Церкви. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в 1070-е годы с точки зрения Рима церковная схизма 1054 года не имела никаких канонических последствий как для канонического права, так и для простых христиан. Схизматиков от Церкви не отлучают, так как они сами находятся вне ее канонических границ, а Никифор Вотаниат был отлучен папой от Церкви, следовательно, он рассматривался в Риме как член Католической Церкви наряду со своим предшественником императором Михаилом VII Дукой Парапинаком.

Никифор был отлучен не за сам факт переворота 1078 года – подобных переворотов было в византийской истории великое множество, – а за брак (третий брак в его случае) с императрицей Марией Аланской, которая уже была замуж за свергнутым, но здравствующим Михаилом VII и по законам императора Юстиниана I должна была отправиться в монастырь вслед за супругом. Отлучение Никифора Вотаниата было очень удобно Роберту Гвискару, союзнику папы, с которым у Роберта в 1078 году произошел серьезный, но временный конфликт. После примирения с папой в Чепрано – где, как отмечает Анна Комнина, Римский понтифик и герцог Апулии вели переговоры, сидя на конях, во главе своих рыцарских отрядов – Роберт отыскал беглого греческого монаха по имени Ректор, самозванца, выдававшего себя за императора Михаила VII Дуку, будто бы бежавшего из Константинополя, и начал готовиться к вторжению в Византию.

Однако каноническое право, на которое опирался папа, вступало в вопросе об отлучении императора Никифора III Вотаниата в прямое противоречие с византийским светским правом. Отлучение императора тем более усугублялось подготовкой войны против Византийской империи, в которой оказался замешан Григорий VII после встречи с Робертом Гвискараром в Чепрано. С точки зрения византийского права Григорий VII и Роберт Гвискар безусловно были виновны в «восстании против императора», а также «в заговоре против государства христиан», как, например, определял по-

добные преступления XVII-й титул Эклоги – византийского юридического памятника времен иконоборческой Исаврийской династии (VIII век)¹³³. Более того, с точки зрения византийского права как Рим, так и южноитальянские владения Роберта Гвискара вместе с Сицилией оставались неотъемлемыми территориями Византийской империи, временно отторгнутыми от нее «варварами». Поэтому Григорий VII и Роберт, выступив против императора, с точки зрения византийских юристов превратились в уголовных преступников. Нормы византийского права, зафиксированные в Кодексе Феодосия [CTh IX, 14, 3], в Кодексе Юстиниана [CJ IX, 8, 3; 5], в Институциях Юстиниана [Inst. IV, 18, 3], в Эклоге [Ecloga XVII, 3], в Василиках [Bas. 60, 36, 13] и Прохироне [Proch. XXXIX, 10], карали за подобные преступления немедленной смертью в случае наличия доказательства вины, каковыми в нашем случае были неправомочное решение Римского Собора 19 ноября 1078 года, признание самозванца Лже-Михаила легитимным императором и последующая война между Византийской империей и норманнами в 1081–1085 годах, получившая благословение папы Григория VII. Поскольку императорские законы имели в Византийской империи силу церковных канонов, тем самым Григорий VII и Роберт Гвискар попадали, с точки зрения византийцев, и под церковные прещения.

¹³³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер. и комм. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 68, 73.

В связи с этим политика императрицы Марии Аланской в период подготовки переворота 1081 года может и должна рассматриваться как с точки зрения реализации неписанной византийской конституции – исходя из которой легитимность императора зависела от его избрания «римским народом», т. е. солдатами, и сенатом, – так и с точки зрения исключительно борьбы Константинопольской Церкви против притязаний папства на участие во внутренних делах Византийской империи.

Папа Григорий VII

Анна Комнина воспринимала папу Григория VII спустя более полувека после его кончины в высшей степени негативно, как узурпатора церковной власти. Анна Комнина так описывала этого понтифика: «Римский папа (его власть могущественна и ограждена разноплеменными армиями), находясь в ссоре с германским королем Генрихом, решил привлечь в качестве союзника Роберта».

[Ὁ γάρ τοι πάπας τῆς Ῥώμης (γενναία δὲ αὐτῆ ἀρχὴ καὶ στρατεύμασι παντοδαποῖς περιφραπτομένη) μετὰ τοῦ ῥηγὸς Ἀλαμανίας Ἐνερίχου διαφορὰν ἐσχηκῶς ἐβούλετο πρὸς συμμαχίαν ἐλκύσαι Ῥομπέρτον ἤδη περιφανέστατον γεγονότα καὶ πρὸς μεγάλας ἀρχὰς ἀκμάσαντα]¹³⁴.

Итак, княжество папы вовсе не было слабым феодальным образованием. Это княжество охранялось серьезными военными отрядами, под которыми августейшая писательница подразумевала рыцарские отряды, вассальные маркграфине Матильде Тосканской, знаменитой итальянской «Жанне д'Арк» XI века, воспетой латинским поэтом Доницоне. Однако папа заключил союз с Робертом Гвискардом, опираясь еще и на норманнские армии. Сущность конфликта меж-

¹³⁴ Annae Comnenae Alexias... В. I. S. 43; Анна Комнина. Алексиада... С. 81.

ду папой и германским королем, с точки зрения Анны Комниной, заключалась в том, что папа обвинил Генриха IV в раздаче церквей, монастырей, церковных степеней и доходов (февраль 1076 г.). В свою очередь, германский король обвинил папу в том, что тот, вопреки королевскому соглашению, узурпировал апостольский престол (см. Вормсский Собор). Узнав об этом, папа пришел в ярость и подверг тяжким оскорблениям королевских послов, которым выдергивали бороды и которых всячески издевательски унижали. Об этих унижениях, по выражению Анны Комниной, ей, как женщине и принцессе, не пристало подробно писать, дабы не осквернить «калам и пергамен». Все это недостойно не только архиерея, но и того, кто себя именует христианином. Принцесса негодовала: «И это [творил] архиерей, о нравы, к тому же верховный архиерей, который сделал себя наместником [Христа] во всей вселенной, как теперь говорят и утверждают латиняне, ибо сие утверждение проистекает от их бахвальства».

Гробница папы Григория VII. Салерно, кафедральный собор

[Καὶ ταῦτα ἀρχιερέως, ὃ δίκη, καὶ ταῦτα πρώτου ἀρχιερέως καὶ ταῦτα προκαθημένου τῆς οἰκουμένης ἀπάσης γενομένου, ὡσπερ οὖν καὶ οἱ Λατῖνοι λέγουσί τε καὶ οἶονται· ἔστι γὰρ καὶ τοῦτο τῆς ἀλαζονείας αὐτῶν]¹³⁵.

Далее Анна ссылается на 28-е правило Халкидонского Собора 451 года, по которому Константинопольский патриарх как епископ Нового Рима получил право первенства, равное

¹³⁵ Annae Comnenae Alexias... В. I. S. 44; Анна Комнина. Алексиада... С. 82.

¹³⁶ Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων... Τ. II. Σ. 280–281; *Никодим Святогорец, прп.* Πιδαλιον. Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т... Τ. II. С. 171–178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.